

Запах сосновой смолы.
Вторая жизнь.

Ирен Весёлая

Запах сосновой
СМОЛЫ.

Вторая жизнь.

Ирен Весёлая

Ирэн Весёлая

**Запах сосновой
смолы.Вторая жизнь.**

«Литнет»

2026

Весёлая И.

Запах сосновой смолы. Вторая жизнь. / И. Весёлая — «Литнет», 2026

Меня нашли в овраге. Избитую, сломанную, едва дышащую. Я не помню своего имени, не помню лиц тех, кто превратил мою жизнь в кровавое месиво. В моей голове — звенящая пустота, а в сердце — первобытный страх. Он — угрюмый отшельник, живущий в лесной глуши. Захар не ждал гостей и давно не верит в милосердие. Он выхаживает меня, как раненого зверя, но его взгляд полон скрытой ярости. Он пахнет горьким табаком и сосновой смолой, и в его руках — моя единственная надежда на спасение. Здесь, в тишине леса, я учусь жить заново. Я учусь доверять человеку, который прячет свои шрамы глубже моих. Но что случится, когда ко мне вернется память? В этой истории вас ждут: Суровый и надежный герой, который привык решать проблемы, а не говорить о них. ♥# Постепенное зарождение чувств: от страха и недоверия до любви, обжигающей сильнее огня. Атмосферный быт: лесная хижина, запах хвои и уют, построенный на обломках двух жизней. Тайны прошлого: предательство, которое невозможно простить, и измена, которая разрушила всё. ☆☆ Сильная героиня, которая найдет в себе силы восстать из пепла. ✓ Обязательный Хэппи-Энд!

© Весёлая И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Захар)	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6(Захар)	22
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9(Захар)	34
Глава 10	39
Глава 11(Захар)	43
Глава 12	46
Глава 13	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1

Боль не была чувством. Она стала моим новым телом, плотным и осязаемым, как панцирь, который врос в кожу и ломал кости при каждом движении. Сначала я услышала свой пульс — тяжелый, липкий ритм, отдававшийся в висках глухими ударами кувалды по мокрому бетону. Потом пришел холод. Он просачивался сквозь поры, вымораживал остатки тепла в животе, заставлял пальцы на руках превращаться в ледяные крошечные палочки, которые я не могла даже согнуть.

Я попыталась вздохнуть, и мир внутри меня взорвался тысячью острых игл. Каждое ребро отозвалось сухим, протестующим хрустом. Легкие казались наполненными не воздухом, а битым стеклом — мелким, раскаленным, жадным до моей крови. Я захлебнулась тихим, надрывным звуком, который даже не был стоном. Это был хрип существа, которое еще не поняло, что оно всё еще живо.

Глаза открылись не сразу. Веки словно склеили густым дегтем. Когда мне наконец удалось разомкнуть их, зрение подвело: всё плыло, двоилось, закручивалось в серый, грязный водоворот.

Я лежала на чем-то жестком. Спина чувствовала каждую неровность досок, прикрытых тонким, колючим слоем старой шерсти. Над головой проплывали темные пятна — массивные балки, закопченные временем и дымом. Пахло странно. Этот запах был густым, как патока, и обволакивал меня, пробиваясь даже сквозь вонь засохшей крови и сырости. Сосновая смола. Горькая, терпкая, первобытная. И еще — запах старой овчины и сухих трав, от которых чесалось в носу.

— Живая, значит, — раздался голос.

Он не был ласковым. Низкий, рокошущий, похожий на звук оползня в горах, этот голос заставил меня вздрогнуть. И эта судорога отозвалась такой вспышкой боли в затылке, что небо перед глазами почернело.

Я замерла, вцепившись пальцами в край колючего одеяла. Повернула голову — медленно, на миллиметр в секунду. В углу, у печи, где плясали тусклые, оранжевые тени, сидел человек. Сначала мне показалось, что это часть самой хижины, какой-то оживший пень или глыба камня. Огромный. Плечи такие широкие, что они, казалось, подпирали низкий потолок. Копна темных, спутанных волос, в которых застряли щепки и сосновые иглы.

Он поднялся, и я инстинктивно вжалась в матрас. Страх был единственным, что я вспомнила. Он пришел из темноты, из того провала, где скрывалось моё прошлое. Мужчина. Опасность. Удар.

Моё тело помнило это лучше, чем мой разум. Оно сжалось в комок, игнорируя сломанные ребра. Я хотела крикнуть, спросить, кто он и что собирается со мной сделать, но горло было сожжено. Вместо слов из меня вырвался лишь жалкий, свистящий выдох.

Он подошел ближе. Шаги его были тяжелыми, но удивительно тихими для такого массива плоти. В неверном свете огня я увидела его лицо. Суровое, словно вытесанное топором из мореного дуба. Глубокие борозды у рта, тяжелая челюсть, заросшая густой щетиной. Но страшнее всего был его взгляд. Один глаз, темный и пронзительный, смотрел на меня с какой-то усталой безразличностью. Второй был скрыт длинной косой челкой, под которой угадывался рваный, белый шрам, уходящий глубоко под волосы.

Палач. Эта мысль обожгла меня холодом. Он пришел закончить то, что начали те, другие.

Мужчина остановился в шаге от топчана. Я видела его руки — огромные ладони с заскорузлыми мозолями, пальцы, испачканные чем-то черным. Он протянул одну из них к моему лицу. Я зажмурилась так сильно, что задрожали челюсти. Ждала удара. Ждала боли, которая оборвет этот затянувшийся кошмар.

Но вместо удара я почувствовала лишь мимолетное касание. Его пальцы, горячие и шершавые, как кора дерева, на мгновение прижались к моему лбу.

— Лихорадка спала, — бросил он.

Он отошел к столу, на котором стояла тусклая лампа и какие-то плоски. Я заставила себя дышать. Мелко, осторожно. Каждый вдох — победа. Мой разум лихорадочно цеплялся за детали, пытаюсь выстроить хоть какую-то логическую цепочку. Где я? Кто этот человек? И, самое главное... кто я?

Я попыталась произнести свое имя. Внутри возникла пустота. Огромная, гулкая комната без дверей и окон. Я искала в ней хоть что-то: лицо матери, номер телефона, название улицы, цвет своих стен. Ничего. Только черная, вязкая тишина. Паника накрыла меня горячей волной, вышибая остатки сил. Я не знала, сколько мне лет, замужем ли я, есть ли у меня дети. Я была никем. Просто куском изломанного мяса в чужой лесной хижине.

Мужчина вернулся. В руках у него была тяжелая кружка, от которой шел пар. Пахло горько, какими-то корнями и болотом.

— Пей, — он сел на край топчана, и доски под его весом предупреждающе заскрипели. Я покачала головой, плотнее сжав губы.

— Пей, говорю. Ты три дня в бреду была. Если хочешь подохнуть — ползи обратно в овраг, я мешать не стану. А если нет — глотай.

Он просунул свою огромную ладонь мне под затылок. Я вскрикнула от боли — шея словно была сделана из раскаленного металла. Он не обратил на мой крик никакого внимания. Приподнял мою голову, удерживая её так же уверенно и жестко, как удерживают бревно. Прижал край кружки к моим губам.

Жидкость оказалась обжигающей и невыносимо горькой. Я поперхнулась, капли потекли по подбородку, пачкая и без того грязную рубашку. Но он не отстранился.

— Пей.

Я сделала один глоток, второй. В животе медленно начал разгораться огонек. Горло смягчилось. Я посмотрела на него в упор, пытаюсь найти в его единственном глазу хоть каплю сочувствия. Но там была только глухая, беспросветная усталость человека, который привык быть один.

— Где я? — мой голос напомнил мне шелест сухой травы под ногами.

— В лесу. На кордоне, — он убрал руку, и моя голова упала обратно на жесткий валик. — Можешь называть это место «краем света». Сюда городские не забредают.

— Вы... вы спасли меня?

Он усмехнулся. Это была не добрая улыбка. Уголок его губ едва заметно дернулся вверх, обнажая крепкие зубы.

— Я тебя нашел. Это разные вещи. Ты лежала в овраге, на самой границе моего участка. Весь склон собой перепахала, пока ползла. Думал, зверь какой раненый, хотел пристрелить, чтоб не мучился. А оказалась ты.

Я закрыла глаза. Перед внутренним взором вспыхнула яркая картинка: свет фар, ослепляющий, режущий. Чей-то смех. Мужской. Холодный, уверенный в своей безнаказанности. И удар. Не по телу — по душе. Ощущение полного, абсолютного предательства. Но стоило мне попытаться разглядеть лицо, как картинка рассыпалась, оставив лишь пепел в памяти.

— Как... как меня зовут? — я посмотрела на него, надеясь на чудо.

Мужчина встал и подошел к окну, затянутому мутной полиэтиленовой пленкой вместо стекла. За окном была глухая, непроглядная ночь. Только верхушки сосен иногда качались под порывами ветра, царапая небо.

— Почему мне знать? Документов при тебе не было. Платье твоё — в клочья, только на тряпки сгодилось. Кольцо на пальце было, дорогое. Я его снял, в шкатулку положил. И кулон.

Он полез в карман своей тяжелой куртки из грубого сукна и вытащил что-то маленькое. На его огромной ладони лежал золотой кулон — изящная, тонкой работы буква «М», усыпанная крошечными камнями. Они тускло блеснули в свете огня.

— М... — прошептала я. — Мария? Марина? Марта?

Имя не отзывалось в сердце. Оно было просто звуком.

— Будешь Машей, — отрезал он, убирая кулон обратно. — Мне так проще. Именем больше, именем меньше. Здесь всё равно только деревья да волки.

— А вы? Как зовут вас?

Он обернулся. Его единственный глаз сузился.

— Захар. И это всё, что тебе нужно знать. Завтра попробуешь встать. Ненавижу, когда в моем доме пахнет болезнью. И помолчи. Побереги горло, завтра оно опухнет и ты ничего не сможешь сказать.

Он подошел к двери — массивной, сбитой из толстых плах. Снаружи слышался скрежет тяжелого засова. Захар вышел, оставив меня одну в полумраке.

Я лежала, прислушиваясь к звукам. В печи потрескивали дрова. Где-то под полом скреблась мышь. Ветер бился в пленку на окне, издавая противный, хлопающий звук. Я была жива. Но эта жизнь казалась мне чужой, украденной у кого-то другого.

Я Мария. Маша. Женщина без лица и без прошлого.

Я попыталась вспомнить хоть что-то еще. Тепло чьих-то рук? Запах парфюма? Вкус вина? Но в ответ была лишь тишина и запах сосновой смолы, который теперь навсегда станет для меня запахом моего пробуждения в аду.

Кто-то хотел, чтобы я умерла. Кто-то очень близкий, раз я чувствовала этот тошнотворный привкус предательства на губах. Но я выжила. Захар нашел меня. Дикарь с лицом разбойника и руками, которые умеют быть бережными, когда не хотят этого показывать.

Я закрыла глаза, и боль, притупленная горьким отваром, медленно утонула меня обратно в серое забытие. Последним, что я услышала, был далекий, заунывный вой волка где-то в самой чаще леса. И мне показалось, что я знаю этот голос. Он звучал так же, как моя собственная душа.

Проснулась я от того, что в хижине стало невыносимо жарко. Печь была натоплена так, что воздух казался густым и плотным. Я открыла глаза и увидела Захара. Он стоял спиной ко мне, сбросив куртку и оставшись в одной серой, застиранной майке.

Его спина была картой сражений. Шрамы переплетали мышцы, вздувающиеся при каждом движении. Он что-то строгал ножом, и тонкие, пахучие стружки летели на пол.

— Проснулась? — спросил он, не оборачиваясь. У него была странная способность чувствовать моё состояние без слов. — Ешь.

На табурете рядом с топчаном стояла миска с чем-то серым и горячим. Овсянка. Без сахара, без масла, без единого намека на вкус. Но когда я поднесла первую ложку к губам, мне показалось, что ничего вкуснее я в жизни не пробовала. Еда давала силу. А сила была мне нужна, чтобы понять, как выбраться из этой клетки.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Захар наконец повернулся. Он вытер нож об штанину и подошел ближе. Его взгляд скользнул по моему лицу, по бинтам, пропитавшимся чем-то желтоватым на плече.

— Спасибо в лесу не едят, Маша, — буркнул он. — Окрепнешь — отработаешь. У меня дел по горло, а руки всего две.

Он посмотрел на меня так, будто видел насквозь — все мои страхи, всю мою пустоту. И на мгновение мне показалось, что в этом суровом мужчине скрыто не меньше боли, чем во мне. Только он свою запер под замок давным-давно, а моя еще кровоточила, не давая дышать.

Я смотрела на него, на его грубые руки, на шрам на лице, и внутри ворохнулось странное, неуместное чувство. Не страх. Нет. Это было узнавание. Как будто мы оба были обломками одного кораблекрушения, выброшенными на этот дикий берег.

Я еще не знала, что Захар — это не просто мой спаситель. Что он — человек, чью жизнь разрушили те же люди, что выкинули меня в овраг. Мы были связаны задолго до того, как его ладонь коснулась моего лба.

Но сейчас была только боль, запах сосновой смолы и длинная, бесконечная дорога к самой себе.

Я Мария. И я начинаю свою вторую жизнь. На пепелище первой.

Снаружи снова заскрежетал засов — Захар ушел на улицу, оставив меня наедине с моими призраками. Я посмотрела на свои руки. Тонкие пальцы, сломанные ногти, следы от веревок на запястьях. Кто я?

Ответа не было. Только шум ветра в соснах. И тишина, которая больше не казалась пустой. Она была наполнена ожиданием.

Вечер опустился на хижину внезапно, словно кто-то просто выключил свет. Захар вернулся, принес с собой запах холода и сырого дерева. Он молча прошел к печи, бросил туда несколько поленьев и сел на пол, привалившись спиной к стене.

Я наблюдала за ним из своего угла. Он казался частью этого интерьера — такой же грубый, прочный и надежный. Он не пытался со мной заговорить, не задавал вопросов. И я была ему за это благодарна. В моей голове и так было слишком много вопросов, на которые у меня не было ответов.

Я ощупала кулон через одеяло — Захар оставил его на столе, и я смогла дотянуться до него, когда он не видел. Буква «М». Холодный металл жег кожу.

— Захар... — позвала я тихо.

— М? — он даже не повернул головы.

— Почему вы живете здесь один?

Он долго не отвечал. Я уже подумала, что он проигнорирует мой вопрос, как делал это раньше. Но потом он заговорил — тихо, почти шепотом.

— Потому что люди — это волки, Маша. Только волки честнее. Они не улыбаются тебе в лицо, когда точат нож за спиной.

В его голосе было столько горечи, что мне стало физически больно. Я поняла: его изгнание было добровольным. Он ушел сюда не от хорошей жизни. Его вытравили, выгнали из мира людей, оставив лишь этот кусок леса и ненависть к «городским».

Я хотела сказать, что я не такая. Что я, наверное, была доброй и хорошей. Но я не знала этого наверняка. Может быть, я заслужила этот овраг? Может быть, те, кто меня бил, были правы?

Эта мысль напугала меня больше всего.

— Спи, — сказал Захар, вставая. — Завтра будет тяжелый день. Начнем учиться ходить заново.

Он подошел к моей кровати, поправил одеяло — движение было резким, почти грубым, но в нем не было злости. Он просто не умел по-другому.

Я закрыла глаза, чувствуя, как сон снова затягивает меня в свои сети. Запах сосновой смолы стал тише, уступая место запаху горящего дерева.

Я не знала, что ждет меня завтра. Не знала, кто придет за мной из той, прошлой жизни. Но здесь, в этой хижине, под охраной угрюмого великана, я впервые за долгое время почувствовала, что я не одна.

И это было начало. Самое трудное, самое болезненное, но — начало.

Глава 2(Захар)

(от лица Захара)

Лес не умеет прощать, он умеет только переваривать. Я выучил это правило пять лет назад, когда сменил итальянские костюмы на брезентовую куртку, а запах дорогого одеколона — на вонь дегтя и застоявшегося пота. Здесь всё честно: если ты слаб, ты становишься удобением. Если ты глуп, ты замерзаешь в первую же ночь.

Я стоял на крыльце, впитывая предрассветный холод, который щипал кожу не хуже старой бритвы. Туман висел между соснами густыми серыми клочьями, скрывая овраг, где три дня назад я нашел свою главную проблему. Из открытой двери хижины за моей спиной тянуло не лесом. Оттуда доносился чужеродный, приторный дух — смесь йода, лихорадочного пота и едва уловимого, въедливого аромата дорогого французского парфюма. Запах города. Запах предательства и гнили, упакованной в красивую обертку.

Я затыкнулся самокруткой. Дым заполнил легкие, привычно обжигая, и я на мгновение закрыл единственный глаз. Левый, тот, что видел мир лишь как размытое пятно сквозь шрамы, зудел. К непогоде. Или к беде. Хотя какая разница — в моей жизни это давно одно и то же.

Три дня назад всё было иначе. Я обходил периметр своего участка — того самого куска земли, который эти лошечные столичные твари пытались выгрызть у меня судебными исками и угрозами вот уже полгода. Для них это были просто гектары под застройку, «инвестиционный проект». Для меня — последний рубеж. Окоп, из которого я не собирался выходить живым.

Я шел вдоль кромки оврага, когда заметил борозду на сыром мху. Глубокую, рваную, словно кто-то волочил тяжелый мешок. Первая мысль была короткой: подранок. Какой-нибудь горе-охотник из заезжих мажоров пальнул в лося и бросил доходить. Рука привычно легла на рукоять ножа на поясе. Я не люблю, когда звери мучаются по вине идиотов.

Но внизу, на самом дне, среди мокрой прелой листвы и колючего кустарника, лежала она.

С высоты она казалась кучей грязного тряпья. Белый шелк платья — или что там на ней было — превратился в серые лохмотья. Одна туфля на нелепо тонком каблуке застряла в корнях выше по склону, вторая исчезла. Она не двигалась.

Я спустился, проклиная всё на свете. Когда перевернул её на спину, даже у меня, видевого за свою жизнь немало дерьма, перехватило дыхание. Лицо превратилось в сплошную гематому. Кто-то работал методично, профессионально, с холодным расчетом. Не просто избили — ломали. Как архитектор, я видел здесь катастрофическое нарушение конструкции. Ребра вдавлены внутрь, как рухнувшие перекрытия. Лицо — фасад после прямого попадания снаряда.

Она должна была быть мертвой. По всем законам сопромата, человеческое тело не выдерживает таких нагрузок. Но когда я прикоснулся к её шее, под пальцами — грубыми, мозолистыми, забывшими прикосновение женской кожи — едва заметно, словно испуганная птица, дернулась жилка.

Я стоял над ней минут пять. В голове щелкал счетчик. Оставить здесь? К утру лисы обглодают всё, что осталось от её «высокого статуса», и проблема решится сама собой. Вызвать «скорую»? Это значило пустить на мою землю полицию, протоколы, вопросы. Это значило открыть ворота крепости, которую я строил годами.

— Проклятье, — выдохнул я тогда в пустоту леса.

Я поднял её. Она была легкой, почти невесомой, как пустой каркас здания, из которого вынесли всё содержимое. Пока тащил её вверх по склону, её голова безвольно моталась у меня на плече, а пальцы — тонкие, с остатками дорогого маникюра, теперь изломанные и покрытые грязью — цеплялись за мою куртку в предсмертных судорогах.

Три дня я вливал в неё отвары, от которых воротило бы и здорового мужика. Менял бинты, стараясь не смотреть на то, что скрывалось под ними. Не из деликатности — из брезгливости. Она была напоминанием о мире, который я вычеркнул. О мире, где тебя могут выкинуть в овраг, как сломанную игрушку, едва ты перестанешь приносить прибыль или удовольствие.

В бреду она не звала на помощь. Она шептала имена, которые кололи меня, как осколки стекла. Она бредила ресторанами, какими-то контрактами, хрусталем. Она была от боли, и в этом вое я слышал голос своего прошлого. Того самого, где мой лучший друг подписывал бумаги о моем банкротстве, пока я лежал в больнице с выбитым глазом.

На второй день я нашел у неё в кармане кулон. Золотая буква «М». Клеймо. Для меня это было как метка вражеской армии. «М» — значит, из их стаи. Из тех, кто привык ходить по головам и не замечать, как под подошвами хрустят чужие жизни.

Я назвал её Машей. Не потому, что мне так хотелось. А потому, что в моем лесу у вещей должны быть простые названия. Топор, нож, собака, Маша. Мне нужно было стереть из неё ту лощеную дрянь, которой она была до оврага. Сделать её понятной, предсказуемой. Безопасной.

Я докурил, щелчком отправив окурков в туман.

Сегодня она пришла в себя. По-настоящему. В её глазах, когда она смотрела на меня, застыл такой первобытный ужас, что я почти почувствовал его на вкус. Она приняла меня за своего палача. Что ж, логично. В её мире мужчины либо покупают, либо убивают. Третьего не дано.

Я зашел в хижину. Внутри было жарко. Печь, которую я топил на совесть, отдавала накопленное тепло, и в этом тяжелом воздухе парфюм Маши казался особенно нелепым. Она спала. Лицо в полумраке казалось бледным пятном на серой подушке. Беззащитная. Сломанная.

Я сел за стол и взял нож. Топорище, которое я строгал вчера, требовало доработки. Работа руками — единственное, что не дает мозгу окончательно превратиться в кисель из воспоминаний и злости.

Мои руки. Я посмотрел на них. Раньше они держали только карандаш «Кохинор» и руку женщины, которая клялась мне в верности, пока переписывала мои счета на своего любовника. Теперь это были лапы рабочего зверя. Широкие, в темных трещинах, которые не отмываются никаким мылом. И этими руками я выхаживал её. Ирония судьбы, не иначе.

Я бросил взгляд на занавешенное зеркало в углу. Я сам не смотрел в него годами. Не хотел видеть то, во что превратился великий архитектор Захар Громов. Не хотел видеть пустую глазницу и рожу, которую в городе приняли бы за морду рецидивиста.

Внезапно со двора донесся странный звук. Не крик птицы, не треск ветки под лапой зверя. Это был низкий, утробный рокот мотора. Далеко, на самой границе слышимости, но я знал этот звук. Так урчат тяжелые джипы, когда лезут через бездорожье.

Я замер, сжимая нож так, что дерево топорища жалобно хрустнуло.

Они не могли прийти так быстро. Или могли?

Я поднялся, накинул куртку и вышел на крыльцо, прихватив двустволку, стоявшую у двери. Лес молчал, но это была не та тишина, к которой я привык. Это была тишина перед ударом.

Я спустился с крыльца и прошел метров сто вглубь чащи, туда, где начинался подъем к старой просеке. Туман здесь был реже. На влажной почве, прямо рядом с моими вчерашними следами, красовалось нечто новое.

Свежая отметина. Геодезический колышек с ярко-оранжевой лентой, вбитый глубоко в землю.

Мою землю.

Я почувствовал, как внутри закипает та самая черная, маслянистая ярость, которую я пытался утопить в лесной глуши пять лет. Они подошли вплотную. Они уже не просто угрожают — они начали разметку.

И эта женщина в моей хижине... Её появление здесь, именно сейчас, когда они пошли в атаку — это не случайность. В такие совпадения я перестал верить еще в детском саду. Её не просто выкинули в лесу. Её выкинули на моей территории. Как наживку? Или как улику, которую я должен был спрятать?

Я вернулся к дому, чувствуя, как кольцо сжимается. Если её ищут «свои», то это не спасательная операция. За такими, как она, приходят, чтобы пристрелить окончательно и закопать поглубже, чтобы не всплыли никакие «неудобные» подробности их красивой жизни.

Я вошел в комнату. Маша пошевелилась во сне, застонала тихо, жалобно.

— Ну что, Маша, — прошептал я, глядя на её бледный профиль. — Похоже, ты принесла с собой войну. И если я не хочу, чтобы мой лес сторел вместе со мной, мне придется решить, на чьей ты стороне.

Я сел на скамью, положив ружье на колени. Снаружи поднялся ветер, заставляя пленку на окне хлопать, как крылья раненой птицы.

Они придут. Я чувствовал это кожей. Те, кто избил её, те, кто вбил колышек в мою землю — это были одни и те же люди. Одна и та же порода хищников в дорогих часах.

Я посмотрел на свои руки. На этот раз они не дрожали. Я был архитектором. Я знал, как строить здания. И я знал, как их разрушать, если фундамент оказывался гнилым.

Маша открыла глаза. В полумраке они казались огромными колодцами, полными тьмы. Она смотрела на меня, и в этом взгляде я вдруг увидел не только страх, но и ту самую пустоту, которая жила во мне самом.

— Захар... — её голос был тихим, как осыпающаяся хвоя.

— Молчи, — отрезал я, не сводя глаз с окна. — Просто молчи. Теперь мы оба в одной яме. И если хочешь дожить до рассвета, делай то, что я скажу.

Я знал, что эта женщина изменит всё. Она уже разрушила мой покой. Она пахла проблемами, которые нельзя решить топором. Но почему-то, глядя на её тонкие пальцы, судорожно сжимающие край моего старого одеяла, я впервые за пять лет почувствовал, что я еще жив.

И что у меня снова есть проект, ради которого стоит сражаться. Даже если этот проект — всего лишь одна изломанная жизнь, которую кто-то посчитал мусором.

Я дождусь их. Пусть приходят. Мой лес умеет прятать концы в воду. И мой овраг еще не полон.

Фитиль в лампе затрещал и погас, погружая хижину в густую, пахнущую смолой тьму. Мы остались вдвоем против целого мира, который решил, что мы больше не существуем.

Что ж. Тем хуже для мира.

Глава 3

Рассвет просачивался сквозь мутную полиэтиленовую пленку на окне неохотно, словно сам стыдился того, что ему придется осветить внутри этой тесной хижины. Свет был серым, холодным и тяжелым, как мокрая овчина. Он не приносил радости, он просто констатировал: ты все еще здесь, ты все еще дышишь, и тебе все еще больно.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась от резкой рези. В голове гудело, словно внутри поселился рой рассерженных шершней. Память по-прежнему напоминала выжженное поле — ни одного уцелевшего здания, ни одного знакомого лица. Только пепел и колючая проволока страха.

Захар был в комнате. Он сидел на табурете у окна, и его массивный силуэт, застывший в сером полумраке, казался вырезанным из куска скалы. Он не двигался. Казалось, он даже не дышал, уставившись в одну точку на стене. На коленях у него лежала двустволка — старая, с потертым прикладом, но выглядящая опасно и надежно.

Я попыталась позвать его. Горло тут же отозвалось судорожным спазмом, словно в него залили расплавленный свинец. Вместо вопроса из моих губ вырвался лишь жалкий, влажный хрип. Боль была такой острой, что я невольно вцепилась пальцами в край одеяла, выгибаясь на жестком матрасе.

Захар вздрогнул. Его голова медленно повернулась в мою сторону. Единственный глаз смотрел тяжело, без капли утренней мягкости или сочувствия.

— Не тужься, — бросил он, и голос его прозвучал неожиданно громко в этой ватной тишине. — У тебя гортань отбита. Сильно отбита. И распухло все. Радуйся, что вообще глотать можешь, а не через трубку в животе питаешься.

Я замерла, глядя на него широко раскрытыми глазами. «Отбита». Это слово ударило меня сильнее, чем физическая боль. Кто мог сделать такое? Кто сжимал мои пальцы, кто бил по горлу, стараясь лишить не только жизни, но и голоса? Пустота в голове начала пульсировать черным цветом.

Я хотела спросить: «За что?», «Кто я?», но могла только беспомощно открывать рот, как выброшенная на берег рыба.

Захар поднялся. Его движения были скупыми и точными, лишенными всякой суеты. Он поставил ружье в угол, подошел к печи и плеснул в ковш воды из ведра. Я наблюдала за ним, и страх, который сковывал меня вчера, начал сменяться странным, болезненным любопытством.

Он принес знакомую кружку. На этот раз отвар пах не только болотом, но и чем-то хвойным, терпким. Захар сел на край моего топчана. Доски скрипнули под его весом — уверенно и тяжело.

— Опять будешь глаза закатывать или сразу выпьешь? — спросил он, и в его тоне проскользнула едва уловимая насмешка.

Я послушно приподнялась, опираясь на локти. Руки дрожали, как сухие ветки на ветру. Захар привычным жестом подсунул ладонь мне под затылок. Его пальцы были горячими. Я невольно засмотрелась на его руку, оказавшуюся совсем рядом.

Это была рука рабочего человека — широкая ладонь, сбитые, потемневшие костяшки, ввевшаяся под кожу древесная пыль. Но в том, как он держал кружку, как рассчитывал наклон, чтобы я не захлебнулась, было что-то... иное. Удивительная, математическая точность. Архитектор. Это слово само всплыло в моем сознании, хотя я понятия не имела, почему. Он действовал так, словно мое тело было сложным чертежом, в котором нельзя было допустить ни одной лишней линии, ни одного неверного штриха.

Жидкость обожгла горло, но на этот раз горечь показалась почти приятной. Она словно смывала накипь страха, осевшую внутри.

— Вот и молодец, — Захар убрал кружку и на мгновение задержал взгляд на моем лице.

Его единственный глаз был цвета темного янтаря, застывшего в сосновой смоле. В нем не было злости — только бесконечная, выжженная пустыня одиночества. Я почувствовала, как по спине пробежал озноб, не имеющий отношения к лихорадке. Мы были двумя призраками в этом доме. Он добровольно ушел от мира, а меня из него вышвырнули.

Захар встал, накинул свою тяжелую куртку и взялся за топор, стоявший у двери.

— Пойду дрова посмотрю. Сиди тихо. Если кто придет — не вздумай сипеть. Дверь заперта.

Скрежет засова прозвучал для меня как выстрел. Я осталась одна.

Тишина в хижине была живой. Она дышала запахом сохнувших трав, старой извести и горьким дымом. Полежав немного, я заставила себя сесть. Голова закружилась, мир качнулся, но я удержалась, вцепившись в край стола. Мне нужно было осмотреться. Мне нужно было понять, в чью берлогу меня забросила судьба.

Это место не было просто лачугой лесника. Чем больше я смотрела, тем отчетливее видела странности. Полки на стенах были прибиты с идеальной выверкой по уровню. Стол, за которым я сидела, был собран из грубых досок, но его пропорции были безупречны — золотое сечение в мире топоров и пил.

Мой взгляд упал на длинную полку над окном. Там, среди банок с солью и крупами, лежали вещи, которым здесь было совсем не место. Металлическая линейка с миллиметровыми делениями. Несколько огрызков профессиональных карандашей разной мягкости — я почему-то знала, что они разной мягкости, хотя не помнила, откуда у меня эти знания. И стопка пожелтевших листов, свернутых в тугие рулоны.

Я потянулась было к ним, но резкая боль в боку заставила меня вскрикнуть — беззвучно, лишь потемнело в глазах. Я бессильно опустилась обратно на матрас.

Захар не был простым отшельником. Он не был «дикарем», каким хотел казаться. Каждая деталь в этой хижине кричала о порядке, о расчете, о подавленном интеллекте, который пытались спрятать за грубостью и небритой щетиной. Зачем человеку в лесу чертежные карандаши?

Я закрыла глаза, пытаюсь вызвать из темноты хоть один образ своего прошлого. И снова — ничего. Только холодные фары, бьющие в лицо, и запах дорогого кожаного салона автомобиля. Машина. У меня была машина? Или я была в ней пассажиром?

Внезапно со двора донеслись звуки. Глухие удары топора о дерево. Раз — и сухое полено разлетается на две части. Два — и снова этот четкий, ритмичный звук. Захар работал так же, как жил — уверенно и безжалостно.

Я смотрела на дверь, за которой скрывался этот странный великан. Он боялся людей. Он презирал город. А я была воплощением того самого города, который он ненавидел. Мои руки, даже грязные и с поломанными ногтями, были тонкими, не привыкшими к труду. Моя кожа была слишком бледной.

Я попыталась вспомнить мужское лицо. Не Захара. Кого-то другого. Красивого, холерного, с безупречной улыбкой. Муж? От этой мысли сердце забилося в горле испуганной птицей. Если у меня был муж, почему он не ищет меня? Почему я оказалась в овраге, а не в теплой постели?

Вспышка боли в затылке заставила меня застонать. Нельзя было думать. Думать было физически больно.

Я перевела взгляд в дальний угол хижины. Там, в тени, за старым шкафом, висело небольшое зеркало. Оно было плотно, в несколько слоев занавешено куском серой мешковины, прибитой к раме гвоздями.

Зеркало.

Меня пробрала дрожь. Я до смерти хотела посмотреть на себя — и до смерти боялась этого. Что я там увижу? Синюю маску вместо лица? Чудовище? Или, что еще страшнее, — совершенно незнакомую женщину, которую я никогда не знала?

Я спустила ноги с топчана. Ступни коснулись холодного пола, и по телу прошла волна озноба. Держась за стену, я сделала первый шаг. Колени подкашивались, пол уходил из-под ног, но я упрямо двигалась к углу. Каждый шаг стоил мне невероятных усилий, пот градом катился по лицу, заливая глаза.

Я дошла. Мешковина была грубой на ощупь, пахла пылью и застарелым горем. Я подняла руку, мои пальцы коснулись края ткани.

«Кто ты, Маша?» — спросил голос в моей голове. — «И хочешь ли ты на самом деле это знать?»

В этот момент дверь хижины с грохотом распахнулась. Холодный воздух ворвался внутрь, закружив пылинки в косом луче света. Я вздрогнула и обернулась, едва не упав.

На пороге стоял Захар с охапкой дров. Его лицо, покрасневшее с мороза, тут же потемнело. Он бросил дрова у печи, и звук удара поленьев о пол показался мне громом.

В три шага он оказался рядом со мной. Его рука, тяжелая и непреклонная, перехватила мое запястье, отводя его от зеркала.

— Куда полезла? — прорычал он. — Я что сказал? Сидеть тихо!

Я попыталась вырваться, но он держал меня, как тиски держат тонкую проволоку. Я посмотрела на него снизу вверх, в моих глазах стояли слезы отчаяния и бессилия. Я ткнула пальцем в сторону занавешенного стекла, а потом — себе в грудь.

Захар нахмурился. Его хватка немного ослабла, но он не отпустил меня.

— Не стоит туда смотреть, — голос его стал тише, но в нем появилась какая-то странная, пугающая глубина. — Тебе не понравится то, что там осталось. Поверь мне на слово, Маша. Зеркала — это ложь. Они показывают только оболочку. А твоя оболочка сейчас... — он замолчал, подбирая слова. — Скажем так, строительству требуется капитальный ремонт.

Он осторожно, но твердо развернул меня и повел обратно к топчану. Я подчинилась. Сил спорить не было, да и спорить без голоса было невозможно.

Когда он уложил меня и накрыл одеялом, он на мгновение задержался, опираясь руками на край кровати. Я видела его лицо совсем близко. Шрам над его закрытым глазом казался в этом свете еще страшнее — рваная линия, перечеркнувшая его прошлую жизнь.

— Я сам не смотрел в зеркала пять лет, — вдруг сказал он, глядя куда-то поверх моей головы. — И знаешь что? Живой. И даже не забыл, как выгляжу. Потому что то, какой ты на самом деле, отражается не в стекле, а в том, как ты стоишь на ногах. Понимаешь?

Я медленно кивнула, хотя понимала лишь половину.

Захар вздохнул и отошел к печи. Он начал разводить огонь, и вскоре по хижине поползло живительное тепло. Я лежала, глядя на его широкую спину, и чувствовала, как по щеке катится слеза. Одна-единственная, горькая, как его отвары.

Я не знала своего имени. Не знала своего лица. Я была просто «Машей», женщиной из оврага. Но в этом лесу, в этой тишине, рядом с этим изломанным человеком, я начала чувствовать нечто, чего не было в моей «прошлой» жизни.

Я начала чувствовать правду. Даже если эта правда была такой же колючей и холодной, как этот рассвет.

Захар обернулся, поймав мой взгляд. В его единственном глазу на мгновение мелькнуло что-то похожее на жалость, но он тут же скрыл это, напустив на себя привычную суровость.

— Ешь кашу, — буркнул он, указывая на миску. — И не смей больше вставать без спроса. Упадешь, голову расшибешь — мне тебя заново зашивать некогда. У меня чертеж не идет.

Он осекся, словно сказал лишнее, и быстро отвернулся к своему столу.

«Чертеж», — повторило мое эхо.

Я закрыла глаза. Где-то далеко, за пределами этого леса, кипела другая жизнь. Там были измены, там были деньги, там были люди, которые стерли меня из реальности. Но здесь, под запах сосновой смолы, я строила свой собственный, невидимый чертеж. Чертеж того, как выжить и вспомнить всё.

Даже если для этого придется когда-нибудь сорвать мешковину с того проклятого зеркала.

Глава 4

Деготь пахнет честно. В отличие от людей, он не пытается казаться чем-то иным: он липкий, черный и горький до хрипоты. Я зачерпнул пальцем густую мазь из жестяной банки, и этот тяжелый, густой аромат окончательно вытеснил из хижины остатки ее приторного цветочного духа. Словно я закрашивал дорогой холст грубой олифой.

Маша следила за каждым моим движением. Она сидела на топчане, прижавшись лопатками к бревенчатой стене, и в ее глазах, огромных на осунувшемся лице, застыл немой вопрос. Она по-прежнему не могла издать ни звука. Ее немота была для меня благом — я не хотел слышать ее голоса. Голос напомнил бы мне о том, что передо мной женщина, а не просто очередная проекция, требующая капитального ремонта.

— Не дергайся, — бросил я, не глядя на нее. — Мазь жгучая, но без нее твои царапины начнут гнить. В лесу это происходит быстро.

Я подошел ближе. Она непроизвольно сжалась, пытаясь натянуть одеяло повыше, к самому горлу. Глупая. Я видел ее тело три дня, пока она металась в беспомощности. Я видел каждый сантиметр ее избитой кожи, каждую гематому, каждый след от чьих-то тяжелых кулаков.

Для любого другого мужика она, наверное, даже сейчас оставалась бы привлекательной — хрупкая, с тонкими ключицами и кожей цвета топленого молока. Но я смотрел иначе. Я смотрел как архитектор на рухнувшее здание.

Я видел здесь не женщину. Я видел нарушение несущих конструкций. Левое плечо ушло вниз — вывих, который я вправил еще в первую ночь, пока она была в отключке. Ребра справа — сложный перелом, деформация каркаса. Гематомы на животе и бедрах — следы грубого, непрофессионального демонтажа жизни. Тот, кто это сделал, не просто сорвался в ярости. Он методично разрушал объект. Бил так, чтобы причинить максимум ущерба, но оставить фундамент целым. Чтобы она жила и помнила каждый удар.

— Снимай, — я указал на ее плечо, обмотанное серой ветошью.

Она помедлила, ее пальцы судорожно вцепились в край ткани. Потом, медленно, преодолевая боль, которая наверняка сейчас резала ее изнутри, она опустила край моей старой рубашки.

Кожа была почти прозрачной. На ней ярким, пугающим контрастом цвели синяки — от багрово-черных до трупно-зеленых. Я прикоснулся к ее коже. Мои пальцы, широкие, покрытые сетью старых шрамов и въевшейся древесной пылью, казались на ее плече чем-то инородным. Грубый камень на нежном шелке.

Она вздрогнула. Ее кожа была горячей, сухой — лихорадка еще не ушла до конца, она просто затаилась. Я начал втирать мазь. Медленно, круговыми движениями, чувствуя под подушечками пальцев дрожь ее мышц. Она закусила губу так сильно, что на ней выступила капелька крови, но не издала ни звука. Только ее дыхание — прерывистое, свистящее — обжигало мне предплечье.

Это была странная близость. Лишенная эротики, полная боли и какой-то первобытной правды. В городе мы бы никогда не оказались так близко. Она бы проехала мимо в своем тонированном лимузине, а я бы месил бетон на одной из строек ее мужа. Но здесь, в четырех стенах, пахнущих дымом и дегтем, социальные слои стерлись. Остались только двое: тот, кто чинит, и та, которую сломали.

— Кто это сделал, Маша? — спросил я тихо, не прекращая движений. — Муж? Любовник?

Она широко открыла глаза. В них на мгновение мелькнул такой ужас, что я едва не отдернул руку. Она не кивнула и не покачала головой. Она просто смотрела на меня, и в этом взгляде я прочитал ответ: «Все сразу». Или «Весь мир».

Я закончил с плечом и потянулся за чистым бинтом. Моя ярость, холодная и расчетливая, начала просыпаться. Я ненавидел разрушение. Всю жизнь я строил. Я рассчитывал нагрузки, выбирал лучший бетон, следил за тем, чтобы каждый кирпич лежал на своем месте. А те, кто выкинул ее в овраг... они были из породы разрушителей. Тех самых, что пять лет назад пустили под откос мою жизнь, превратив процветающее бюро в груды неоплаченных долгов и судебных исков.

Я завязал узел на бинте — чуть крепче, чем нужно. Она тихо шипнула воздухом сквозь зубы.

— Терпи. В лесу нежностей нет.

Я отошел к столу, вытирая руки о ветошь. Мой взгляд упал на кулон «М», лежащий на краю столешницы. Я взял его, поднеся к свету, падающему из окна. Золото было тяжелым, настоящим. Камни — не стразы, а чистейшие бриллианты, которые сейчас жадно ловили скудный осенний свет, разбрызгивая по стенам маленькие радуги.

Эта буква «М» была для меня как красная тряпка. Она воняла деньгами. Теми самыми деньгами, на которые Игорь Одинцов — мой личный дьявол — покупал судей, экспертов и молчание моих бывших друзей.

Я посмотрел на Машу. Теперь, когда она сидела в моей старой рубашке, с растрепанными волосами и испуганным взглядом, было трудно поверить, что она — из «них». Из касты неприкасаемых. Из тех, кто заказывает устриц на завтрак и не знает, сколько стоит буханка хлеба. Но этот кулон не лгал. Она была частью той системы, которая перемолола меня и выплюнула сюда, в чашу, доживать век среди сосен.

— Знаешь, Маша, — я покрутил кулон в пальцах, — эта штука стоит дороже, чем вся моя хижина вместе с землей. И, скорее всего, за нее кто-то уже готов перегрызть глотку. Ты понимаешь, во что ты меня втрапливаешь?

Она смотрела на кулон, и я увидел, как ее зрачки расширились. Она узнала его. Но в этом узнавании не было радости — только горькое, тягучее осознание катастрофы. Она подняла на меня глаза, и я увидел в них мольбу. Она не просила вернуть золото. Она просила защиты.

Я бросил кулон обратно на стол. Металл звякнул о дерево, и этот звук показался мне похожим на затвор винтовки.

— Ты принесла сюда не только свою боль, — проговорил я, глядя в окно. — Ты принесла хвост.

Я вышел на крыльцо. Лес стоял недвижно, застывший в ожидании первых заморозков. Воздух был прозрачным и звонким, как тонкое стекло. Я привалился плечом к косяку, пытаюсь унять стук в висках.

В хижине было безопасно. Но «безопасно» — это понятие временное. Я вырос на стройках и знал: если в фундаменте есть трещина, здание рухнет. Вопрос лишь в том, когда.

И тут я услышал его.

Сначала это был лишь намек на звук. Низкая частота, которую чувствуешь скорее подошвами сапог, чем ушами. Лес обычно шумит иначе — верхушками деревьев, криком птиц, треском валежника. Это же был монотонный, тяжелый гул.

Дизель.

Я замер, превращаясь в одно сплошное ухо. Звук шел со стороны старой лесовозной дороги, которую давно размыло дождями. Там никто не ездил годами, кроме меня на моем старом «Урале» раз в месяц. Но этот гул был другим. Несколько мощных моторов.

Они не торопились. Они шли медленно, уверенно, прочесывая сектор за сектором. Это не были грибки и не были заблудившиеся туристы. Так работают загонщики на охоте.

Я вернулся в хижину. Маша уже лежала, укрытая одеялом по самый нос, ее глаза были закрыты. Она спала, или делала вид, что спит, убаюканная горьким отваром.

Я подошел к углу, где стояла двустволка. Проверил патроны. Картечь. Против джипа — маловато, против людей — в самый раз. Моя рука легла на холодную сталь ствола, и я почувствовал странное спокойствие. То самое, которое всегда приходило ко мне перед сложным монтажом или серьезным разговором в кабинетах инвесторов.

Они рыщут. Они ищут ее. Или то, что от нее осталось. И если они найдут мою хижину, им будет наплевать на мое право собственности и на то, что я пять лет не трогал ни одной живой души. Для них я — свидетель. А свидетелей в их мире списывают так же легко, как нерентабельные активы.

Я посмотрел на Машу. Ее дыхание стало ровным, тяжелым.

— Ну что, «М», — прошептал я, глядя на золотую букву на столе. — Похоже, твой муж прислал за тобой не цветы.

Гул моторов стал чуть отчетливее, а потом внезапно стих. Это было еще хуже. Это значило, что они остановились. Что они вышли из машин. Что теперь они идут пешком, слушая лес так же внимательно, как я.

Я подошел к двери и тихо опустил засов. В щели между бревнами я видел, как по небу медленно плывут тяжелые, свинцовые тучи.

Вторая жизнь, говоришь? Ну-ну. Посмотрим, сколько она продлится, эта твоя вторая жизнь, Маша. И не сгорит ли в ней моя единственная.

Я сел на табурет, положив ружье на колени, и приготовился ждать. В лесу тишина — это самое громкое оружие. И сейчас она кричала о том, что война, от которой я бежал пять лет, наконец-то нашла меня. Она пахла дегтем, сосновой смолой и неизбежностью.

Глава 5

Температура поднималась медленно, как прилив в застойном болоте — липкая, тяжелая, неизбежная. Сначала мне показалось, что печь в хижине просто перетопили, но вскоре воздух стал таким густым, что его приходилось проталкивать в легкие силой. Стены из обтесанных бревен вдруг поплыли, меняя свою текстуру. Грубое дерево превращалось в холодный, идеально гладкий бетон, а запах дегтя и сосновой смолы выветривался, уступая место стерильному аромату дорогих лилий и озона.

Я попыталась позвать Захара, но горло окончательно отказало. Отек, о котором он говорил, сдавил гортань тугим железным кольцом. Из моих губ вылетал лишь надсадный, свистящий сип. Я была заперта в собственном теле, как в горящем доме без выходов.

Реальность треснула.

Я больше не лежала на жестком топчане. Я стояла посреди огромной гостиной. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на ночной город, который рассыпался внизу миллиардами чужих огней. Огни были холодными, как россыпь битого стекла. Это был мой дом. Или моя тюрьма.

У окна, спиной ко мне, стоял мужчина. Высокий, с идеально прямой осанкой, в темно-синем пиджаке, который сидел на нем так безупречно, словно был второй кожей. Его затылок, аккуратно подстриженный, излучал ледяную уверенность.

В его руке был стакан. Я слышала этот звук — отчетливый, врезающийся в мозг. Клик. Клик. Лед ударялся о хрустальные стенки, перемешиваясь с янтарной жидкостью. Этот звук был страшнее грома. Он означал, что он спокоен. Он означал, что приговор уже вынесен.

— Ты стала слишком шумной, Маша, — голос мужчины был ровным, лишенным всяких эмоций, как шум кондиционера. — Шум — это плохой показатель для бизнеса. А ты теперь — просто плохая инвестиция.

Я хотела закричать, что я живая, что я его жена, что я любила его... но в моем сне у меня тоже не было голоса. Я видела только его отражение в стекле. Холодные, пустые глаза, в которых не было ни капли жалости. Для него я была просто строчкой в отчете, которую нужно было вычеркнуть, чтобы свести баланс.

За его спиной появилась тень. Еще один мужчина, ниже, шире в плечах, с какими-то неприятными, суетливыми движениями.

— Всё готово, Игорь Витальевич? — спросила тень.

— Да, Артур. Утилизируй это. И проследи, чтобы на этот раз без воскрешений.

Удар.

Он пришел не из сна, а из реальности. Я рванулась, пытаюсь убежать от холодных глаз в стекле, и почувствовала, как мое тело падает в бездну.

— Лежать! Тише ты, дурная!

Тяжелые, горячие руки перехватили мои плечи, вжимая меня обратно в матрас. Я металась, как пойманная сетью птица, мои пальцы впивались в чью-то плоть, я царапалась, пытаюсь прорваться сквозь липкую пелену бреда. Мне казалось, что Игорь стоит прямо надо мной, что он сейчас прикажет «утилизировать» меня окончательно.

— Пусти... — вместо слова из моего горла вырвался хриплый, каркающий звук.

— Маша, это я! Дыши! Просто дыши!

Сознание проявилось на долю секунды, как вспышка молнии в грозу. Я увидела над собой лицо Захара. Он нависал надо мной, придавливая своим весом мои взбрыкивающие ноги и руки. Его майка была разорвана на плече — видимо, я успела за нее зацепиться. На его лбу выступила испарина, а единственный глаз горел каким-то странным, лихорадочным светом.

В этот момент он не казался мне чудовищем. Он был единственной твердой точкой в мире, который рассыпался в пыль.

— Стой... Стой, маленькая, — его голос, обычно грубый, сейчас звучал на низкой, вибрирующей ноте. — Нет здесь никого. Только я. И лес. Слышишь?

Я замерла, судорожно глотая воздух. Его ладони, огромные и тяжелые, как плиты, лежали на моих плечах, не давая мне соскользнуть обратно в ту гостиную с панорамными окнами. Я чувствовала через одеяло жар его тела, его сбитое дыхание. Он пах хвоей и тем самым дегтем, который стал для меня запахом реальности.

— Кто... — я попыталась вытолкнуть хоть одно слово, преодолевая сопротивление отекавшего горла. — Кто... он...

Захар чуть ослабил хватку, но не отстранился. Его лицо было совсем близко. Я видела каждую пору на его коже, каждую ворсинку щетины. И шрам... Рваная линия, которая подчеркивала его левую сторону лица, казалась мне сейчас не уродством, а печатью такой же боли, какую чувствовала я.

— Тебе приснился тот, кто это сделал? — спросил он, и его голос стал похож на рокот далекого обвала. — Вспомнила?

Я закрыла глаза. Перед веками снова поплыл лед в хрустальном стакане. Безупречный костюм. Смертный приговор, произнесенный между глотками виски. Я почувствовала, как внутри закипает ненависть — горькая, черная, дающая силы дышать сквозь отек.

Я должна была сказать это. Должна была дать имя своему страху.

Я вцепилась пальцами в его предплечья. Мои ногти глубоко ушли в его кожу, но он даже не поморщился. Я собрала всю свою волю, всю свою ярость, превращая её в один-единственный звук. Горло отозвалось невыносимой резью, словно я глотала битое стекло.

— И... Иг... — я закашлялась, из глаз брызнули слезы. — О-дин... цов...

Слово вырвалось надтреснутым, сипящим шепотом, но в тишине хижины оно прозвучало как выстрел в упор.

Захар замер.

Я почувствовала, как его тело под моими руками мгновенно превратилось в камень. Если до этого он был просто напряжен, то теперь он стал монолитом. Его пальцы на моих плечах сжались так сильно, что я чуть не вскрикнула — на этот раз от реальной боли.

— Как ты сказала? — его голос стал таким тихим, что я едва его расслышала. — Повтори.

Я смотрела в его единственный глаз. В нем больше не было сосредоточенности лекаря. В нем разгорался пожар. Дикий, первобытный, неконтролируемый свет ненависти, которая копилась годами.

— И... Игорь... Одинцов, — прохрипела я, чувствуя, как сознание снова начинает мутиться от боли в горле.

Захар резко отстранился. Он буквально отскочил от топчана, словно я превратилась в раскаленное железо. Он стоял посреди комнаты, тяжело дыша, его грудная клетка ходила ходуном. Его руки были сжаты в кулаки с такой силой, что костяшки побелели и стали похожи на черепа.

Он не смотрел на меня. Он смотрел в окно, за которым шумел невидимый в темноте лес.

— Одинцов... — прорывал он. Это не было вопросом. Это было проклятием. — Значит, ты — его...

Он не закончил фразу. Он резко развернулся и ударил кулаком по стене. Удар был такой силы, что с полки посыпались какие-то плоски, а хижина, казалось, вздрогнула до самого фундамента.

Я съехала под одеялом, глядя на него в ужасе. Моя амнезия всё еще скрывала детали, но я поняла главное: я назвала имя, которое для этого человека было синонимом конца света.

Захар медленно повернул голову ко мне. Его лицо было искажено гримасой, которую трудно было назвать человеческой. В его глазу была такая бездна боли и ярости, что мне захотелось стать невидимой, раствориться в матрасе.

— Мир чертовски тесен, Маша, — выплюнул он. Слова падали, как тяжелые камни. — Ты даже не представляешь, насколько он тесен.

Он схватил свою куртку со скамьи и, не оборачиваясь, вышел из хижины. Дверь захлопнулась с такой силой, что пленка на окне жалобно вскрикнула. Засов снаружи лязгнул, отрезая меня от мира.

Я осталась одна. Температура, казалось, начала спадать, сменяясь ледяным ознобом. Я лежала в темноте, слушая, как за окном воет ветер, и понимала одно: человек, который меня спас, и человек, который меня уничтожил, знают друг друга.

И теперь я была не просто раненой женщиной в лесу. Я была связующим звеном в цепи, которая тянулась из прошлого и пахла кровью.

В голове крутилась одна и та же фраза Игоря из сна: «Плохая инвестиция».

Я закрыла глаза. Горло болело невыносимо, но внутри меня, там, где раньше была только пустота, начал расти холодный, твердый стержень.

Игорь Одинцов. Мой муж. Мой палач.

И Захар... Человек, который только что узнал во мне часть своего личного ада.

Я не знала, вернется ли он. Не знала, захочет ли он теперь долечить «инвестицию» своего врага или просто додушит меня, чтобы закрыть старые счета. Но я знала точно: тишина в лесу закончилась. Начиналась война, у которой теперь были имена.

И запах сосновой смолы этой ночью казался мне запахом гари на пепелище моей старой жизни.

Я пролежала в забытии несколько часов. Когда небо за окном начало светлеть, окрашиваясь в мутный, колющий цвет предрассветных сумерек, дверь скрипнула.

Захар вошел бесшумно. Он принес с собой запах мороза и табака. Он долго стоял в дверях, глядя на меня. Я не шевелилась, боясь спугнуть это странное перемирие тишины.

Он подошел к столу, взял ту самую золотую букву «М» и долго вертел её в пальцах. Потом, не говоря ни слова, положил её обратно и сел на скамью у печи.

— Он всё у меня отнял, Маша, — сказал он в пустоту, и его голос был сухим, как треск старого дерева. — Бюро, имя, даже этот глаз... Всё из-за него.

Я смотрела на его широкую спину, на опущенные плечи. В этот момент он не был великаном. Он был просто человеком, которого тоже «утилизировали».

— Теперь я понимаю, почему тебя выкинули именно здесь, — он горько усмехнулся. — Они хотели, чтобы ты сдохла на моей земле. Красивый финал для всех нас.

Он обернулся. В его глазу больше не было того безумного пожара. Там осталось только холодное, расчетливое пламя.

— Но они просчитались. Я не дам тебе умереть, Маша. Не из благородства. А потому что ты — единственная улика, которую он не смог уничтожить.

Он встал и начал разводить огонь. Дрова затрещали, выбрасывая первые искры.

— Спи, — бросил он. — Теперь тебе нужно поправляться в два раза быстрее. Нам обоим есть о чем поговорить с твоим мужем.

Я закрыла глаза. Страх никуда не ушел, но к нему добавилось новое чувство. Твердое. Злое. Желание увидеть, как разобьется тот хрустальный стакан в руке Игоря Одинцова.

Вторая жизнь начиналась по-настоящему. И в ней не было места для прощения. Только для расплаты, которая пахла сосновой смолой и горьким дегтем.

Глава 6(Захар)

(от лица Захара)

Огонь в печи доедал последние сухие поленья, щелкая ими, как голодный зверь костями. Я сидел на низкой скамье, оперевшись локтями в колени, и смотрел на угли. Их багровое, пульсирующее свечение было единственным, что удерживало меня в настоящем. Стоило закрыть глаза — и меня затягивало в прошлое, в ту самую воронку, из которой я выбирался пять лет, сдирая кожу и ломая ногти.

Имя, которое она выхаркала вместе с болью, всё еще висело в воздухе хижины. Одинцов.

Оно не просто прозвучало. Оно сдетонировало. Взрывная волна прошла по моему позвоночнику, подняла дыбом волосы на загривке, заставила старый шрам над глазом гореть фантомным огнем. Я думал, что похоронил это имя под слоем хвои и лесного дерна. Я думал, что выстроил вокруг себя идеальную звукоизоляцию. Но, как любой опытный архитектор, я должен был знать: если фундамент стоит на зыбучем песке, трещина пойдет по всему дому. Рано или поздно.

Я перевел взгляд на топчан. Маша спала. После того приступа, когда она едва не вывернула себе душу наизнанку, её организм сдался. Лихорадка отступила, оставив после себя бледность, похожую на цвет мела, и тяжелое, прерывистое дыхание.

Сейчас, в неверном свете углей, она казалась почти прозрачной. Тонкая рука свесилась с края матраса, пальцы слегка подрагивали во сне. Женщина без голоса. Женщина без памяти. Жена моего врага.

Я должен был ненавидеть её. Логика — холодная и безжалостная сука — диктовала мне именно это. Она спала в шелках, пока я спал на койке в казенной больнице. Она улыбалась на приемах, где Одинцов праздновал победу над «упрямым дураком Громовым». Она — часть его мира. Часть той красивой, глянцевой фасады, за которой скрывается гниль.

Мои пальцы сами собой сжались в кулаки. Я помнил тот день. День, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после».

Это был вторник. Серый, дождливый ноябрьский вторник. Мы стояли на объекте — моем детище, жилом комплексе «Северная Корона». Я вложил в этот проект всё: душу, деньги, репутацию. Я хотел построить дом, в котором люди будут жить веками. А Одинцов хотел построить памятник своей жадности.

— Захар, ты слишком усложняешь, — его голос тогда звучал мягко, по-дружески. Он стоял рядом, в кашемировом пальто, и брезгливо морщился от летевшей в лицо бетонной пыли. — Зачем нам эта марка бетона? Зачем эти дорогие перекрытия? Люди купят картинку, Захар. Им плевать на марку цемента.

— Мне не плевать, — ответил я тогда. — Я под этим подписываюсь.

— Ты подпишешь то, что я скажу. Или не подпишешь ничего.

Я помню, как рассмеялся ему в лицо. Я был уверен в себе. Я был Захар Громов, лучший архитектор города, владелец бюро с безупречной репутацией. Я не знал, что подписи уже подделаны. Что тендеры уже проиграны подставным фирмам-однодневкам. Что моя жена, моя красавица Лена, уже неделю как перевезла вещи в квартиру, которую ей снял Одинцов.

Крах был стремительным. Как обрушение картонного домика. Сначала суды. Потом арест счетов. Потом «несчастный случай» на стройке. Лопнувший трос. Хлесткий удар стальной змеи, который должен был снести мне голову, но забрал только глаз.

Я выжил. Но когда я вышел из больницы — одноглазый, нищий, с волчьим билетом в профессии — меня никто не ждал. Бюро больше не существовало. На его месте была империя Одинцова. Мои чертежи были украдены, упрощены и проданы как «элитное жилье». А я стал городским сумасшедшим, который судится с ветряными мельницами.

И вот теперь, спустя пять лет, его жена лежит в моей хижине, укрытая моим старым одеялом.

Я встал и подошел к ней. Пол под ногами скрипнул, но она даже не пошевелилась. Я смотрел на её лицо. Была ли она там, на тех банкетах? Смеялась ли она над шутками о «циклопе-неудачнике»?

Она выглядела слишком молодой для той стервы, которую я рисовал в своем воображении. Слишком хрупкой. На её виске пульсировала голубая жилка, и мне вдруг захотелось прикоснуться к ней. Не ударить. Просто проверить, настоящая ли она.

— Ты знала? — спросил я шепотом, обращаясь к спящей. — Ты знала, на чьих костях ты строишь свое счастье?

Ответа не было. Только сиплый выдох.

Я резко отвернулся. Меня тошнило от собственной мягкотелости. Если бы это был мужик, я бы уже вышвырнул его в снег. Но она была женщиной. И она была сломана тем же катком, что и я.

Мой взгляд упал на плетеную корзину в углу. Там, среди щепок и мусора, валялись остатки её платья. Того самого белого шелка, в котором я нашел её в овраге. Я срезал его с неё ножом, потому что снять его по-другому, не причинив боли, было невозможно.

Эти тряпки раздражали меня. Они были чужеродным элементом. Они пахли тем миром, который я презирал.

Я подошел к корзине и вытащил ворох грязной, окровавленной ткани. Шелк был холодным и скользким, как кожа змеи. Я скомкал его в кулаке. Нужно сжечь. Уничтожить последние следы. Пусть огонь сожрет её прошлое, как сожрал моё.

Я открыл дверцу печи. Жар ударил в лицо, опалив щетину. Я бросил первый кусок ткани в огонь. Шелк не вспыхнул сразу. Он начал плавиться, сворачиваться в черные, уродливые комочки, источая тошнотворный, сладковатый запах паленой органики.

Этот запах напомнил мне запах операционной.

Я поморщился, но продолжил. Кусок за куском. Кружева, пропитанные болотной грязью. Обрывки подкладки. Я действовал механически, стараясь не думать. Просто утилизация мусора. Просто уборка территории.

В руках остался последний фрагмент — часть лифа или пояса, плотная, с двойной прострочкой. Я уже занес руку, чтобы отправить его в топку, как вдруг мои пальцы нащупали что-то твердое внутри ткани.

Не косточка от корсета. Слишком маленькое. Слишком плоское.

Я замер. Инстинкт, отточенный годами жизни в лесу, сработал быстрее мысли. Я не бросил ткань в огонь. Я поднес её к глазам, шурясь в полумраке.

Там был крошечный потайной кармашек. Такой незаметный, что даже при обыске его могли бы пропустить. Но я архитектор, я знаю, как искать скрытые полости.

Я поддел ногтем шов. Нитки, прогнившие от сырости, легко поддались.

Внутри лежал сложенный вчетверо клочок бумаги. Не обычной офисной бумаги, а плотной, фактурной — такой пользуются художники или дорогие юристы.

Я развернул его. Бумага была влажной, чернила местами поплыли, превратившись в синие разводы. Но текст сохранился. Это был не печатный текст. Это была торопливая, нервная запись от руки. Почерк был женским — острым, летящим, с сильным нажимом.

Я поднес листок к самому лицу, ловя отсвет пламени из открытой дверцы печи.

«г. Москва, ул. Вознесенская, 12, офис 405»

И ниже, едва различимо:

«Спросить архив Громова».

Мир качнулся. Хижина, лес, ночь — всё исчезло. Остались только эти цифры, выжженные на сетчатке моего единственного глаза.

Вознесенская, 12.

Я знал этот адрес. Я помнил каждую трещину на фасаде этого здания. Я помнил, как падает свет в окна четвертого этажа на закате.

Это был мой офис. Мое старое бюро. Место, где я был счастлив, и место, где меня убили. После рейдерского захвата Одинцов перестроил здание, сделал там свою штаб-квартиру, но этот адрес...

Почему он был у неё?

Я медленно перевел взгляд на спящую Машу. Она больше не казалась мне случайной жертвой.

Она ехала не в салон красоты. И не к любовнику. Она прятала этот адрес в потайном кармане платья, как самую большую ценность.

«Спросить архив Громова».

Громов — это я.

Мое сердце застучало так, что удары отдавались в горле. Что это значит? Она знала, кто я? Нет, невозможно. В городе меня считали спившимся неудачником, исчезнувшим без вести. Для всех я был мертв или опустился на самое дно.

Но зачем жене Игоря Одинцова искать архив человека, которого её муж уничтожил пять лет назад?

В моей голове начали складываться пазлы, но картина выходила пугающей. Она не просто бежала. Она искала оружие против мужа. И этим оружием, по какой-то неведомой мне причине, должна была стать моя прошлая жизнь. Мои старые чертежи? Мои документы?

Я сжал бумажку в кулаке так сильно, что ногти впились в ладонь.

— Кто ты такая, черт возьми? — прошептал я.

Теперь я смотрел на неё иначе. Не как на «городскую фифу», не как на раненого зверя. Я смотрел на неё как на сейф, к которому я потерял код. В её голове, в этой амнезийной пустоте, хранилась тайна, которая могла бы, возможно, оправдать мои пять лет в аду.

Или окончательно добить меня.

Она пошевелилась во сне, застонала. Одеяло сползло с плеча, обнажая белую кожу с темными пятнами синяков.

Я должен был выгнать её. Должен был, как только услышал фамилию Одинцова. Но теперь... Теперь я не мог её отпустить. Она была связана со мной крепче, чем я думал. Мы были повязаны не просто случайностью, а какой-то дьявольской, изощренной логикой судьбы.

Я сунул листок в нагрудный карман, ближе к сердцу. Туда, где я носил документы на землю — единственное, что у меня осталось.

Огонь в печи доел шелк. Остался только пепел. Серый, невесомый прах.

Я закрыл чугунную дверцу. Лязг металла прозвучал как звук захлопнувшегося капкана.

Я подошел к столу, взял ружье и снова сел на скамью, развернувшись лицом к двери. Спать я сегодня не буду. Я буду охранять свой дом. И свою пленницу.

Потому что когда она проснется и обретет голос, я задам ей вопросы, на которые ей придется ответить. Даже если для этого мне придется вытрясти из неё душу.

Зачем тебе мой архив, Маша? И что ты надеялась там найти?

За окном начал накрапывать дождь — холодный, осенний, переходящий в снег. Лес зашумел, тревожно и глухо. Где-то там, в темноте, рыскали «джипы» Одинцова. Они искали её. Но они не знали, что она нашла меня первой. Сама того не ведая.

Я погладил холодный ствол ружья.

— Ну давай, Игорь, — прошептал я в темноту. — Иди сюда. Теперь у нас с тобой есть новый повод для встречи. И на этот раз я не буду подписывать твои бумаги. На этот раз я буду стрелять.

В хижине пахло гарью и тайной. И этот запах мне нравился больше, чем запах безнадёжности. Он пах действием.

Глава 7

Тишина в это утро была другой. Не ватной и душной, как во время лихорадки, а звонкой, натянутой до предела, словно гитарная струна, готовая лопнуть от малейшего прикосновения. Я открыла глаза и впервые за эти бесконечные дни не почувствовала привычного жара, сжигающего кожу изнутри. Туман в голове рассеялся, оставив после себя лишь звенящую слабость и странное, пугающее чувство ясности.

Я была здесь. В этой бревенчатой коробке, пахнущей смолой и старым деревом. Я была жива. И я по-прежнему не знала, кто я.

Но к привычным запахам хижины примешалось что-то новое. Тяжелый, горьковатый дух гари. Не древесной — так пахнет не печь. Так пахнет жженная тряпка, паленая шерсть или... шелк? Этот запах застревал в носу, вызывая тошноту и смутное чувство тревоги. Словно кто-то сжигал улики преступления.

Я повернула голову. Шея отозвалась тупой болью, но уже не той раздирающей, что раньше.

Захар не спал. Он сидел за столом, сгорбившись над какими-то бумагами, но не смотрел на них. Он смотрел на меня. В неверном, сером свете утра его лицо казалось высеченным из камня, но в единственном глазу, обычно скрытом тенью или напускным безразличием, сейчас стояло что-то темное. Изучающее.

Так смотрят не на спасенного щенка. Так следовательно смотрит на подозреваемого, который путается в показаниях.

— Очнулась? — его голос прозвучал сухо, как треск сухой ветки.

Я попыталась ответить, но из горла вырвался лишь сиплый шепот. Отек спадал, но голос все еще был чужим, словно принадлежал не мне, а старухе.

— Пить...

Захар не шелохнулся. Он продолжал сверлить меня взглядом еще несколько секунд, словно взвешивая что-то на невидимых весах, и только потом кивнул на ведро с ковшом, стоящее у двери.

— Вода там. Хочешь жить — учись двигаться. Я тебе не сиделка.

Его резкость резанула по ушам, но странным образом она же и привела меня в чувство. В его словах был вызов. Он проверял меня. Проверял, сколько воли осталось в этом избитом теле.

Я стиснула зубы. Слабость разливалась по венам жидким свинцом, но лежать под этим тяжелым взглядом было невыносимо. Я медленно, стараясь не делать резких движений, спустила ноги с топчана.

Пол оказался ледяным. Холод мгновенно прошел ступни, поднялся выше, заставляя мышцы судорожно сокращаться. Я вцепилась в край матраса так, что побелели костяшки пальцев. Голова закружилась — мир качнулся вправо, потом влево, стены хижины поплыли, теряя четкость очертаний.

— Не торопись, — буркнул Захар, но с места не сдвинулся.

Я сделала глубокий вдох. Воздух пах гарью и пылью. Я должна встать. Должна дойти до этого проклятого ведра. Просто чтобы доказать себе, что я не вещь. Не «инвестиция», которую списали.

Я оттолкнулась от топчана и выпрямилась.

Это было ошибкой. Ноги, отвыкшие от нагрузки, подогнулись, словно были сделаны из ваты. Колени подвели, и пол стремительно рванул мне навстречу. Я не успела даже вскрикнуть — лишь судорожно взмахнула руками, пытаясь ухватиться за пустоту.

Грохот падающего табурета разорвал тишину.

Удара не последовало.

Вместо жестких досок меня встретило что-то твердое, горячее и живое. Захар оказался рядом мгновенно, с невероятной для его комплекции скоростью. Его руки перехватили меня у самого пола, рывком вздернули вверх, прижимая к себе.

Я уткнулась лицом в его грудь. Жесткая ткань старой майки пахла потом, дешевым табаком и тем самым дегтярным мылом, которым он обрабатывал мои раны. Но под всем этим я чувствовала другой запах — запах сильного, здорового мужчины, смешанный с запахом опасности.

Его сердце билось ровно, мощно, ударяя мне в висок. Мои руки инстинктивно вцепились в его плечи, и я почувствовала под пальцами стальные канаты напряженных мышц.

Мы замерли.

Это был наш первый настоящий контакт. Не как врача и пациента, не как тюремщика и заключенной. Сейчас он держал меня как женщину. Крепко. Надежно. Его ладонь на моей спине была огромной, теплой плитой, которая не давала мне упасть обратно в бездну слабости.

Я подняла голову. Наши лица оказались в опасной близости. Впервые я видела его так четко, без пелены жара. Глубокие морщины у глаз, прорезанные годами одиночества. Шрам, белой молнией рассекающий бровь и уходящий в волосы — след от удара, который мог бы убить. Его единственный глаз цвета темного янтаря смотрел на меня в упор, и в его глубине я увидела не злость, а какое-то странное, мучительное узнавание.

Он не отпускал меня. И я не отстранялась. В этом кольце рук было безопаснее, чем во всем остальном мире.

— Я же сказал: учись, а не геройствуй, — его голос стал тише, глуше. В нем больше не было той колкой насмешки.

— Кто я? — прошептала я, глядя ему прямо в глаз. — Захар, скажи мне. Почему ты смотришь на меня так, будто я... будто я что-то украла у тебя?

Он вздрогнул. Я почувствовала, как напряглись мышцы его рук. На мгновение мне показалось, что он сейчас оттолкнет меня, швырнет обратно на матрас. В его взгляде мелькнула тень — тяжелая, темная, похожая на тучу перед грозой. Он знал что-то. Что-то важное. Что-то, о чем молчал.

Но он не оттолкнул. Он лишь криво усмехнулся — уголком рта, зло и горько.

— Ты не украла, Маша, — произнес он, и каждое слово падало, как камень в воду. — Ты сама — украденная вещь. И огромная проблема на мою голову.

— Проблема? — эхом отозвалась я.

— Живая улика, которую ищут очень плохие люди, — он наконец разжал руки, но не отошел, а просто усадил меня на край стола, который оказался ближе, чем кровать. — Сиди. Я сам дам воды.

Я осталась сидеть на грубо отесанных досках стола, чувствуя, как холодеет спина без его тепла. Захар зачерпнул ковшом воды и протянул мне. Я пила жадно, вода текла по подбородку, капала на рубашку, но мне было все равно. Живительная влага смывала вкус пепла во рту.

Захар стоял рядом, опираясь бедром о столешницу, и смотрел в окно. Он явно не хотел продолжать разговор.

Я опустила ковш и огляделась. Стол, на котором я сидела, был завален вещами, которые совершенно не вязались с образом лесного отшельника. Здесь не было шкур или охотничьих ножей. Здесь царил странный, геометрически выверенный хаос.

Рулоны пожелтевшей бумаги, придавленные тяжелым камнем, чтобы не сворачивались. Грифельные карандаши, заточенные с пугающей остротой. Металлическая линейка, на которой почти стерлись деления.

Мой взгляд зацепился за верхний лист. Это был чертеж. Сложный, детальный разрез какого-то здания. Линии переплетались в изящную сеть, образуя каркас, перекрытия, несущие стены.

Я смотрела на этот рисунок, и внутри меня что-то щелкнуло. Словно ключ, который долго не подходил к замку, вдруг со скрежетом повернулся.

Я не знала, что это за здание. Я не помнила, чтобы когда-либо видела подобные схемы. Но мои пальцы... мои пальцы знали.

Рука сама потянулась к бумаге. Я даже не успела осознать, что делаю. Это был рефлекс, вбитый в подкорку годами практики, о которой я забыла.

— Здесь ошибка, — мой голос прозвучал тихо, но уверенно. Хрипота исчезла, уступив место сухой констатации факта.

Захар резко обернулся.

Я не смотрела на него. Я смотрела на линию, которая пересекала центральный пролет на чертеже. Мой палец скользил по бумаге, оставляя едва заметный след на пыли.

— Вот этот узел, — прошептала я, постукивая ногтем по пересечению балок. — Нагрузка распределена неверно. При ветре больше двадцати метров в секунду перекрытие даст трещину. Здесь нужен другой угол... или дополнительная опора. Иначе рухнет.

Слова вылетали из меня сами собой. Термины — «нагрузка», «перекрытие», «опора» — были родными. Они имели вкус и цвет. Они были частью меня, большей, чем имя или лицо в зеркале.

Я машинально потянулась к карандашам, лежащим в коробке. Мои пальцы безошибочно выбрали самый твердый грифель — тот, которым делают тонкие, черновые наброски. Я перевернула его в руке привычным движением, готовая исправить линию.

И тут мою руку перехватили.

Захар схватил меня за запястье. Не больно, но жестко. Я подняла глаза и увидела его лицо.

Он был бледен. Под слоем лесного загара и щетины проступила мертвенная белизна. Его глаз был расширен, зрачок превратился в огромную черную дыру. Он смотрел на меня не как на женщину, и даже не как на проблему.

Он смотрел на меня так, словно я только что заговорила на языке мертвых.

— Откуда... — его голос сорвался, он откашлялся. — Откуда ты это знаешь?

Я моргнула, наваждение спало. Карандаш выпал из моих пальцев и покатился по столу с сухим стуком. Я посмотрела на чертеж, потом на свою руку, которую все еще сжимал Захар.

— Я... я не знаю, — пролепетала я, чувствуя, как к горлу снова подступает паника. — Я просто... увидела. Оно неправильное. Оно сломается.

— Руки, — прошептал Захар. Он не спрашивал, он утверждал. — Твои руки помнят.

Он медленно разжал пальцы, выпуская мое запястье, но не отошел. Он смотрел на чертеж — тот самый, который погубил его карьеру пять лет назад. Тот самый, в котором он, молодой и амбициозный, не допустил ни одной ошибки, но который перечеркнули чужие, жадные руки.

И теперь жена человека, укравшего его жизнь, сидела на его столе и указывала на ошибку, которую внесли в проект уже после него. Ошибку, из-за которой всё и рухнуло.

В хижине повисла тишина, тяжелая, как могильная плита.

— Ты не просто кукла Одинцова, — произнес Захар, и в его голосе прозвучала новая, опасная нота. — Ты разбираешься в сопромате. Ты видишь узлы. Кто ты, черт возьми, такая, Маша?

Я обхватила себя руками за плечи, пытаюсь унять дрожь.

— Я не помню, — честно ответила я, и слезы снова подступили к глазам. — Я ничего не помню, Захар. Но я знаю, что этот дом упадет.

Он долго смотрел на меня. Потом медленно взял карандаш, который я уронила, и положил его обратно в коробку. Идеально ровно. Грифелем к грифелю.

— Он уже упал, — глухо сказал он. — Пять лет назад. И погреб под собой меня.

Он отошел к двери, накинул куртку.

— Отдыхай. Мне нужно... проветриться.

Захар вышел, но на этот раз он не закрыл засов. Дверь осталась чуть приоткрытой, впуская полоску холодного утреннего света.

Я осталась сидеть на столе, глядя на старый чертеж. Линии больше не казались мне просто рисунком. Они были картой. Картой, которая вела куда-то в мое прошлое. Туда, где я не была просто женой богатого мужа. Туда, где я была кем-то... настоящим.

Я провела ладонью по шершавой бумаге. Память молчала, но кончики пальцев горели. Я умела строить. Я умела видеть суть вещей. И, возможно, именно это умение стало причиной того, что меня попытались убить.

Глава 8

Дверь, которую Захар оставил приоткрытой, впускала в хижину узкую полоску холодного, сырого воздуха. Он ушел, сбежал от моего вопроса, от моего пальца, указывающего на ошибку в его чертеже, как мальчишка, которого поймали на лжи. Но вместе с холодом в дом проникала и тишина. Не та, спасительная, что была раньше, а напряженная, выжидающая.

Я осталась одна. Сидела на краю грубо сколоченного стола, свесив ноги, и смотрела, как в косом луче света, падающем из окна, танцуют пылинки. Их были мириады. Они кружились хаотично, бессмысленно, оседая на банках с крупой, на моих руках, на разбросанных бумагах.

Внезапно этот хаос стал невыносимым.

До этого момента я была просто телом. Болящим, горящим в лихорадке, куском плоти, который пытался выжить. Но теперь, когда разум прояснился, а пальцы вспомнили твердость карандашного грифеля, я вдруг увидела окружающую меня обстановку другими глазами.

Грязь. Она была повсюду. Застарелая, вьевшаяся в щели пола, покрывающая серым налетом подоконник. Пятна сажи на белой печи. Крошки хлеба, засохшие на столешнице. Паутина, свисающая из угла, где висело то самое проклятое, занавешенное зеркало.

Этот беспорядок давил на меня физически. Он словно душил, не давая легким раскрыться. Я не помнила, какой была моя кухня или спальня в той, прошлой жизни, но я точно знала: там не было места такой неряшливости. Мои руки зачесались. Не от грязи, а от желания действия. Мне нужно было вернуть контроль. Хотя бы над этим крошечным пространством, раз уж я не могла контролировать свою судьбу.

Я сползла со стола. Ноги отозвались привычной дрожью, колени подогнулись, но я ухватила за край столешницы и устояла. Головокружение накатило горячей волной, но я переждала его, стиснув зубы.

— Ну же, Маша, — прошептала я себе под нос своим новым, скрипучим голосом. — Ты не инвалид. Ты просто... временно не в форме.

Я огляделась в поисках тряпки. Взгляд упал на кучу ветоши у печи — той самой, что осталась от моей «операции». Нет, это не годилось. Слишком много крови. Я нашла на лавке старую, застиранную футболку Захара, разорванную по шву. Пойдет.

Я добралась до ведра с водой. Ковш оказался тяжелым. Вода была ледяной, от нее ломило зубы, но она отлично отрезвляла. Я намочила тряпку, отжала её — слабые пальцы слушались плохо, вода текла по запястьям в рукава рубахи, заставляя ежиться от холода.

Первым делом — стол. Центр этого странного мира.

Я начала тереть доски. С усилием, с остервенением. Смывала пятна пролитого чая, круги от горячих кружек, серый налет древесной пыли. Движения причиняли боль — ребра справа ныли, напоминая о переломе, но эта боль была правильной. Она была ценой за чистоту.

Когда дерево стало влажным и чистым, я взялась за предметы. Банка с солью. Банка с сахаром. Жестяная коробка с чаем. Я протирала каждую, возвращая ей блеск, и расставляла их заново. Не как попало, как они стояли раньше, а по ранжиру. От большой к маленькой. Строго параллельно краю полки.

Карандаши. Я собрала их, рассыпанные по столу, и уложила в коробку. Грифель к грифелю. Твердые — слева, мягкие — справа. Линейку положила строго перпендикулярно краю стола.

Я отошла на шаг, тяжело дыша. Пот струился по спине, приклеивая рубаху к коже. Но вид чистого, упорядоченного стола принес мне странное, почти физическое удовлетворение. Это был островок логики в океане безумия. Мой островок.

Теперь пол.

В углу стоял веник — куций, сбитый, перевязанный бечевкой. Я взяла его. Он показался мне тяжелее лопаты. Каждый взмах отдавался прострелом в бок. Пыль взметнулась в воздух серым облаком, забивая нос. Я закашлялась, согнувшись пополам, хватая ртом воздух, как рыба. Горло обожгло огнем, но я не бросила веник.

Я мела, сгребая мусор к порогу. Щепки, сухие листья, занесенные с улицы, комки грязи с сапог Захара. Я выметала из этого дома болезнь. Я выметала свой страх.

— Что ты творишь?

Голос Захара прозвучал как гром среди ясного неба. Я вздрогнула и выронила веник.

Он стоял на пороге, заслоняя собой свет. В одной руке у него было ведро с водой, в другой — охапка дров. Его лицо, обычно непроницаемое, сейчас исказила гримаса неподдельного раздражения. Глаз сузился, превратившись в щелку.

— Я... я убираюсь, — прохрипела я, опираясь рукой о стену, чтобы не упасть. Ноги дрожали от перенапряжения.

Захар шагнул внутрь, с грохотом поставил ведро на лавку. Дрова полетели к печи, едва не задев меня.

— Кто тебя просил? — рыкнул он. — Тебе лежать велено, а не пыль гонять.

Он подошел к столу. Его взгляд скользнул по выстроенным в ряд банкам, по идеально лежащим карандашам. Я увидела, как дернулась жилка у него на виске.

— Зачем ты трогала мои вещи?

— Там было грязно, — я попыталась выпрямиться, расправить плечи, хотя хотелось сползти по стене. — Я не могу жить в хлеву, Захар.

— В хлеву? — он развернулся ко мне всем корпусом. От него исходила волна жара и агрессии. — Этот «хлев» тебя от смерти спас. Здесь не операционная, мадам. Здесь лес. И здесь мои правила.

Он подошел к столу и резким, грубым движением смахнул коробку с карандашами в сторону. Они рассыпались, нарушая мою идеальную симметрию. Банку с солью он переставил на самый край, туда, где она стояла раньше — неудобно, опасно, но привычно для него.

— Не смей. Трогать. Мои. Вещи, — отчеканил он. — Я кладу их так, чтобы я мог найти их в темноте на ощупь. Твой порядок мне здесь не нужен. Это не твой кукольный домик, в который ты играешь, пока память не вернулась.

Меня захлестнула обида. Горькая, детская. Я потратила последние силы, чтобы сделать ему приятно, чтобы сделать это место хоть немного похожим на дом, а он...

— Ты боишься, — вдруг сказала я. Слова вылетели раньше, чем я успела подумать.

Захар замер.

— Чего? — его голос упал до опасного шепота.

— Ты боишься, что здесь станет уютно. Ты боишься привыкнуть. Тебе проще жить в грязи, потому что грязь не жалко бросить. А если здесь будет чисто... если здесь будет пахнуть домом... тебе будет больно.

Он смотрел на меня, и я видела, что попала в точку. В десятку. Его лицо потемнело.

— Сядь и ешь, — процедил он сквозь зубы, игнорируя мои слова. — Философ нашелся.

Он достал из шкафчика банку тушенки, вскрыл её ножом — грубо, с хрустом вспарывая жесть. Вывалил содержимое в миску, разломил руками буханку черного хлеба.

Мы ели в тишине. Тяжелой, звенящей тишине, которую нарушал только стук ложек и треск дров в печи.

Я ела медленно. Мои руки дрожали, но я старалась держать ложку аккуратно, не роняя ни капли жира на стол. Я отламывала хлеб маленькими кусочками, отправляя их в рот. Это было не пижонство. Это была попытка сохранить остатки человеческого достоинства. Я не хотела превращаться в зверя, даже если жила в берлоге.

Захар ел иначе. Он зачерпывал мясо большими порциями, заедал огромными кусками хлеба. Он ел так, словно заправлял механизм топливом — быстро, эффективно, без удовольствия. Но при этом он ни на секунду не расслаблялся.

Я видела, как он косится на окно. Как замирает его рука с ложкой, когда ветер шумит в трубе чуть громче обычного. Как напрягается его спина при каждом шорохе.

Он ждал.

Я вспомнила гул моторов прошлой ночью. Вспомнила его слова про «плохих людей». Страх, который я вымела веником, снова пополз по ногам холодной змеей.

— Они близко? — спросила я тихо.

Захар поднял на меня взгляд. В нем не было злости, только усталость.

— Не знаю, — честно ответил он. — Лес большой. Но они сужают круги. Джипы у них серьезные, подготовленные. Это не городские пижоны, которые застревают в первой луже. Это егеря. Или наемники.

Он отодвинул пустую миску.

— Я выйду покурить. И проверю растяжки. А ты... — он обвел взглядом комнату, задержавшись на чистом столе. — Сиди тихо. И ради бога, Маша, хватит наводить красоту. Здесь некого впечатлять.

Он взял со скамьи свою куртку, накинул её на плечи и вышел.

Я снова осталась одна. Но теперь сидеть без дела было невозможно. Тревога Захара передалась мне. Я чувствовала себя как в осажденной крепости, где комендант ушел на стены, а я осталась в пороховом погребе.

Я встала и подошла к окну, пытаюсь разглядеть что-то сквозь мутную пленку. Ничего. Только серые стволы сосен и начинающиеся сумерки.

Мне нужно было чем-то занять руки. Чем угодно, лишь бы не думать о том, что где-то там, в лесу, едут машины с людьми моего мужа.

Мой взгляд упал на угол у входа. Там стоял старый, массивный деревянный ларь, крышка которого была завалена всяким хламом: старыми фуфайками, мотками веревки, какими-то мешками. Это была единственная часть хижины, до которой я не добралась со своей уборкой.

«Просто переложу вещи, — подумала я. — Освобожу место, чтобы можно было сесть».

Я подошла к ларю. От кучи тряпья пахло машинным маслом и сыростью. Я потянула за рукав верхней фуфайки. Тяжелая. Ткань была пропитана чем-то жирным.

Я сбросила тряпки на пол, собираясь сложить их аккуратно. Под ними обнаружилась крышка ларя, обитая железом. Но меня привлекло не это.

В углу, между ларем и стеной, что-то было спрятано. Что-то, завернутое в плотную промасленную бумагу и еще раз обмотанное куском брезента.

Это не было похоже на инструменты. И на еду тоже.

Любопытство оказалось сильнее страха. Я оглянулась на дверь — тихо. Захар курил на крыльце, я не слышала скрипа ступеней.

Я протянула руку и вытащила сверток. Он был неожиданно тяжелым для своего размера. Тяжелым и холодным.

Я положила его на крышку ларя и развернула край брезента.

Сердце пропустило удар.

Внутри лежал пистолет. Черный, матовый, хищный. Я не разбиралась в оружии, но даже я понимала, что это не охотничий пугач. Это была вещь, созданная для убийства людей. Рядом лежали две картонные коробки. Желтоватые, без картинок, только с какими-то цифрами.

Я осторожно, одним пальцем, коснулась холодного металла ствола. От него пахло смертью. Не той абстрактной смертью, что бродит по лесу в виде волков, а смертью, упакованной в сталь.

Зачем?

Захар был архитектором. Мирным человеком, которого сломала система. Откуда у него боевое оружие? И не просто старый дедовский наган, а современный, ухоженный пистолет, смазанный и готовый к бою?

Я вспомнила двустволку, которая стояла у двери. Она была для вида. Для леса. А это... Это было для войны.

Я вдруг поняла, с какой ледяной серьезностью он говорил о «плохих людях». Он не просто прятался. Он готовился. Все эти годы, живя здесь, он ждал, что за ним придут. И он собирался встретить их не с хлебом-солью, и даже не с топором.

Мороз пробежал по коже. Передо мной открылась еще одна грань человека, который меня спас. Он был опасен. Гораздо опаснее, чем казался.

Скрипнула ступенька на крыльце.

Я дернулась, как от удара током. В панике я схватила сверток, завернула его обратно в брезент — небрежно, кое-как — и сунула в щель между ларем и стеной. Сверху набросала фуфайки, веревки, стараясь придать куче прежний вид.

Мои руки тряслись. Сердце колотилось где-то в горле.

Дверь открылась, и Захар вошел в хижину вместе с облаком холодного пара.

Я стояла у ларя, прижавшись спиной к стене, и пыталась выровнять дыхание.

— Ты чего замерла? — спросил он подозрительно, оглядывая меня с ног до головы. — Опять порядок наводишь?

— Нет... — голос предательски дрогнул. — Просто... искала место, куда сесть. Там дует, от окна.

Он прищурился. Его взгляд скользнул по куче тряпья, потом вернулся к моему лицу. Он чувствовал ложь. Я видела это. Он знал, что я что-то трогала.

Но он ничего не сказал. Только хмыкнул и прошел к столу, бросив на ходу:

— Не нашла ничего интересного?

— Только грязь, — ответила я, глядя ему в спину. — Много грязи, Захар.

— Грязь — это хорошо, — буркнул он, садясь и вытягивая ноги к печи. — Грязь маскирует.

Он достал из кармана тот самый листок с адресом, который нашел в моем платье, и положил его перед собой. Я увидела это движение.

— Завтра будет день, Маша, — сказал он, не оборачиваясь. — И нам придется многое обсудить. А пока ложись. И забудь про уборку. В морге чистота не нужна.

Я медленно побрела к своему топчану. Ноги были ватными, но теперь не от слабости, а от страха. Я легла, натянув одеяло до подбородка, и закрыла глаза.

Но перед мысленным взором стоял не чертеж, и не лицо мужа. Там стоял черный, маслянистый блеск пистолета.

Захар готовился убивать. И судя по тому, как уверенно лежало оружие в тайнике, он умел это делать.

Я повернулась на бок, глядя на его профиль в отсвете огня. Кто ты на самом деле, Захар Громов? Архитектор? Отшельник? Или солдат, которого забыли на войне?

Тишина в хижине стала плотной, осязаемой. Теперь я знала, что скрывается за его молчанием. Там, в глубине, тикал часовой механизм. И мы оба сидели на пороховой бочке, к которой кто-то уже поднес спичку.

Глава 9(Захар)

(от лица Захара)

Утро пахло оружейным маслом и неизбежностью. Я стоял у старого деревянного ларя, глядя на сверток, который Маша вчера так неумело пыталась спрятать обратно. Угол брезента торчал наружу, как белый флаг капитуляции. Она нашла пистолет. Теперь она знала, что я не просто лесной бирюк, сбежавший от ипотеки и шумных соседей. Она знала, что у меня есть зубы. И, судя по тому, как дрожали её руки за ужином, она боялась, что эти зубы могут сомкнуться на её горле.

Я развернул промасленную тряпку. Черная сталь «ТТ» тускло блеснула в утреннем свете. Тяжелый, надежный аргумент в споре с судьбой. Я проверил обойму. Полная. Механизм смазан, ход затвора мягкий, как по маслу.

Времена, когда можно было держать оружие в тайнике под грудой ветоши, закончились. Теперь война стояла на пороге, переминаясь с ноги на ногу.

Я сунул пистолет за пояс, прикрыв его полой просторной фланелевой рубахи, а сверху накинул свою вечную брезентовую куртку. Тяжесть металла на поясице успокаивала. Это был знакомый вес. Вес ответственности за то, что произойдет в следующую секунду.

Маша еще спала. Или делала вид. После вчерашней уборки и нервного срыва она лежала тихо, свернувшись калачиком под колючим одеялом. Только макушка торчала. Я посмотрел на чистый стол, на банки, выстроенные в ряд. Этот нелепый порядок в моем хаосе раздражал и одновременно вызывал странное чувство. Словно кто-то пытался навести уют в окопе перед артобстрелом.

Я вышел на крыльцо. Воздух был морозным, звонким. Лес замер, словно набрал в грудь воздуха перед прыжком. Я взял топор. Физическая работа всегда помогала мне думать, а думать сейчас нужно было много.

Удар. Полено разлетелось надвое с сухим треском.

Удар. Щепки брызнули в стороны, как шрапнель.

Одинцов. Это имя пульсировало в висках в такт ударам топора. Мой старый друг. Мой старый враг. Человек, который превратил мою жизнь в руины, теперь искал свою жену, чтобы превратить в руины её. Какая ирония. Мы с ней оказались по одну сторону баррикад, даже не желая этого. Она — улика. Я — свидетель. И оба мы для него — мусор, который нужно сжечь.

Внезапно ритм леса изменился.

Я замер с поднятым топором. Сначала это было похоже на жужжание назойливой мухи где-то на грани слышимости. Но звук нарастал, становился гуще, ниже.

Мотор.

Это был не тот низкий, уверенный рокот дорогих дизелей, который я слышал ночью. Этот звук был надсадным, кашляющим, с характерным металлическим лязгом на поворотах. Старый, убитый дорогами «УАЗ».

Я опустил топор, чувствуя, как холодная волна прокатилась по спине.

Михалыч.

Егерь, мой единственный сосед в радиусе двадцати километров. Старый лис, который знал этот лес лучше, чем свои пять пальцев. Обычно я был рад его визитам — он привозил почту, соль, патроны, иногда просто заезжал потреться за жизнь под кружку крепкого чая. Но сегодня его визит был подобен появлению инспектора пожарной охраны на пороховом складе.

Если Михалыч увидит Машу...

Времени на раздумья не было. «УАЗ» уже ревел на подъеме, перемалывая колесами грязь просеки. Через две минуты он будет здесь.

Я влетел в хижину, захлопнув за собой дверь так, что стекла в рамах задребезжали. Маша вздрогнула и села на постели, прижимая одеяло к груди. Её глаза были огромными, полными сна и страха.

— Вставай! — рявкнул я, не тратя времени на объяснения.

Я подскочил к ней, рывком поднял с топчана. Она была легкой, но её тело напряглось, сопротивляясь.

— Что... Захар, что случилось? — прохрипела она.

— Гости, — бросил я, таща её к центру комнаты. — Быстро. В подпол.

Я ногой отшвырнул домотканый половик, обнажая крышку люка с врезным железным кольцом. Рванул кольцо на себя. Из черного зева пахнуло сыростью, землей и гнилой картошкой.

Маша отшатнулась, уперлась ногами в пол.

— Нет! Я не полезу туда! Там темно, я...

— Ты полезешь туда, если хочешь жить! — я развернул её к себе, сжимая плечи так, что она охнула. — Это не спасатели, Маша. Это местные. Если они тебя увидят, слух пойдет по деревне быстрее ветра. А у твоего мужа длинные уши. Лезь!

Звук мотора стал совсем громким. Машина уже въезжала во двор.

Маша посмотрела на меня, потом на черный квадрат люка. В её взгляде мелькнул панический ужас клаустрофоба, но она кивнула. Я помог ей спуститься по шаткой лестнице.

— Сиди тихо, — прошептал я, наклоняясь над люком. — Не дыши. Что бы ты ни услышала наверху — молчи. Поняла?

— Поняла, — её шепот донесся из темноты, дрожащий и слабый.

Я опустил крышку. Она легла на место с глухим стуком. Я быстро набросил сверху половик, расправил складки. Этого было мало. Я схватил тяжелый дубовый стол и рывком сдвинул его на середину комнаты, так, чтобы одна из его массивных ножек стояла прямо на краю люка, прижимая доски.

На столе звякнули банки, которые Маша так старательно расставляла утром. Я чертыхнулся, быстро расставил их хаотично, создавая привычный беспорядок. Бросил на лавку её одеяло, скомкав его, чтобы оно выглядело как куча тряпья.

В этот момент двигатель за окном чихнул и заглох. Хлопнула ржавая дверца.

— Заха-ар! Принимай гостей! — раздался хриплый, прокуренный голос.

Я выдохнул, стряхивая с лица напряжение, и нацепил маску угрюмого радушия. Рука привычно проверила рукоять «ТТ» под курткой.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стоял Михалыч — коренастый, в засаленной телогрейке, с лицом, похожим на печеное яблоко, изрезанным морщинами. От него за версту разило дешевым табаком и бензином.

— Здорово, бирюк! — он шагнул через порог, стряхивая грязь с сапог. — Я уж думал, тебя медведи сожрали. Дым из трубы не идет, тихо, как на кладбище.

— Дрова экономлю, — буркнул я, пожимая его протянутую руку. Ладонь у егеря была жесткой, как кора. — А ты чего в такую рань? Случилось чего?

Михалыч прошел к столу, по-хозяйски огляделся. Его маленькие, выцветшие глазки бегали по хижине, цепляясь за детали. Я напрягся. В доме пахло не только моим табаком. Здесь висел тонкий, едва уловимый аромат дегтярной мази и... женщины. Тот самый запах, который я не мог вытравить уже неделю.

— Да так, оказия была, — Михалыч плюхнулся на лавку, доставая из кармана пачку «Примы». — Соль тебе привез, как просил. И газеты старые, на растопку.

Он бросил на стол сверток газет. Я подошел к печи, чтобы поставить чайник. Мне нужно было занять руки, чтобы не выдать дрожь. Я спиной чувствовал, как Михалыч сканирует про-

странство. Он был опытным следопытом. Он видел сломанные ветки там, где другие видели просто лес.

— Чай будешь? — спросил я, гремя крышкой чайника.

— Буду. Куда ж я денусь, — егерь закурил, выпустив струю сизого дыма в потолок. — А ты чего это... прибрался?

Я замер на секунду.

— В смысле?

— Ну, стол чистый. Полы метеные. Ты ж обычно в опилках по колено живешь, архитектор, — он усмехнулся, но глаза оставались серьезными.

— Крысы одолели, — соврал я, не оборачиваясь. — Решил вымести всё, чтоб не гнездились. Отравы насыпал по углам.

— А-а... Крысы — это дело такое, — протянул Михалыч. — Крыс нынче много развелось. И не только хвостатых.

Он замолчал, давая словам повиснуть в воздухе. Я поставил чайник на огонь и сел напротив него, стараясь не смотреть на то место под столом, где прятался люк.

— Говори прямо, Михалыч, — сказал я, глядя ему в переносицу. — Ты ж не про грызунов приехал ляссы точить.

Егерь затаился, сощурился от едкого дыма.

— В поселке беспокойно, Захар. Вчера джипы понаехали. Черные, блестящие, как гробы лакированные. Номера московские. Ребята в них сидят... серьезные. Морды кирпичом, стволы под пиджаками топорщатся. Не менты, не. Частники.

Я сохранял каменное лицо, хотя внутри всё сжалось в тугой узел.

— И что им надо в нашей глуши? — равнодушно спросил я, доставая свою самокрутку.

— Бабу ищут, — Михалыч понизил голос, подавшись вперед. — Говорят, пропала жена какого-то большого туза. Или сбежала, или украли, или... — он сделал многозначительную паузу, — убили, а тело спрятали. Фотографию показывали.

Он полез во внутренний карман телогрейки. Я напрягся, готовый в любой момент перехватить его руку, но он достал лишь сложенную газету.

— Не дали фото, жмоты. Но описали. Молодая, красивая, волосы светлые. В белом платье была, говорят. Представляешь? В белом платье по нашему бурелому.

Я выпустил дым в сторону, скрывая выражение лица.

— Бред какой-то. Кто ж в лес в платье ходит?

— Вот и я говорю — бред, — кивнул Михалыч. — Но деньги предлагают бешеные. За любую информацию. Если кто видел, если кто слышал... Ходят по дворам, спрашивают. Ко мне заезжали на кордон. Злые, как черти.

Он посмотрел на меня в упор. Его взгляд стал цепким, колючим.

— Я им сказал, что в моем квадрате никого не было. Но они карту достали, пальцем тычут. Говорят: «А вот там, на отшибе, кто живет?». Про тебя спрашивали, Захар.

В подполе было тихо. Слишком тихо. Жива ли она там? Не задохнулась ли? Я представил, как Маша сидит в темноте, сжавшись в комок, и слушает этот разговор. Каждое слово Михалыча падало на неё, как ком земли на крышку гроба.

— И что ты сказал? — спросил я.

— Сказал, что живет там бирюк один, контуженный. Что людей он не любит, гостей не водит, и если б кто к нему забрел — он бы скорее пристрелил, чем чаем напоил.

— Спасибо на добром слове, — криво усмехнулся я.

— Я-то сказал, — Михалыч затушил окурок о край стола, прямо рядом с тем местом, которое Маша так старательно оттирала утром. — Только они не очень-то поверили. Сказали, сами проверят. Дронов запускать будут. С тепловизорами.

Тепловизоры. Это было плохо. Очень плохо. Если они увидят, что в хижине два тепловых пятна...

— Пусть проверяют, — я пожал плечами, стараясь, чтобы голос звучал безразлично. — Мне скрывать нечего. Кроме самогона, но это не их профиль.

Михалыч помолчал, барабанил пальцами по столешнице. Потом вдруг спросил, глядя куда-то в угол, туда, где я сунул кучу тряпок с женским одеялом:

— Ты, Захар, мужик правильный. Я тебя пять лет знаю. Ты зла не держишь, хоть жизнь тебя и пожевала. Но скажи мне как на духу...

Он перевел взгляд на меня. В его глазах не было угрозы, только старая, мудрая печаль.

— ...Ты ведь ничего странного не видел? Следов там? Или тряпок каких на кустах?

Это был момент истины. Я мог бы сказать ему правду. Михалыч — свой. Он не любит «городских», он ненавидит, когда на его земле хозяйничают чужаки. Но он — старик. У него жена в поселке, внуки. Если он будет знать — он станет уязвимым. Эти люди, люди Одинцова, вытрясут из него душу.

Я не имел права втягивать его.

— Нет, Михалыч, — сказал я твердо, глядя ему прямо в глаза. — Никого я не видел. Тишина у меня. Только волки воют по ночам.

Секунду мы смотрели друг на друга. Молчание затягивалось, становилось вязким. Я видел, как в его глазах мелькнуло сомнение. Он повел носом, словно пытаясь уловить тот самый запах, который тревожил его с самого начала. Запах чужой беды.

— Ну, нет так нет, — наконец сказал он, хлопая ладонью по столу. — Твое дело. Мое дело — предупредить.

Он тяжело поднялся, кряхтя.

— Чай пить не буду, Захар. Поеду. Дел много. А ты это... смотри.

Он подошел к двери, взялся за ручку, а потом обернулся. Его лицо в тени капюшона стало серьезным, почти жестким.

— Эти люди... у них глаза оловянные. Пустые. Они лес спалят вместе с нами и даже не поморщатся. Если вдруг... ну, мало ли... увидишь кого — не геройствуй. Сдай. Или закопай так, чтоб никто не нашел. Но лучше сдай. Живее будешь.

— Я тебя услышал, — кивнул я.

Михалыч вышел. Я стоял посреди комнаты, слушая, как он заводит свой «УАЗ». Мотор чихнул, взревел, и машина, буксуя, покатила прочь со двора. Звук удалялся, пока не растворился в шуме ветра.

Я выждал еще минуту. Потом подошел к окну и выглянул сквозь щель в пленке. Пусто. Только следы колес на грязи.

Я вернулся к столу. Руки дрожали. Не от страха — от адреналина. Я солгал. Я только что подписал себе приговор. Если Михалыча прижмут, он вспомнит и мой чистый стол, и мои бегающие глаза, и запах. Он вспомнит всё.

Я уперся руками в столешницу и сдвинул тяжелый дубовый стол в сторону. Скрип ножек по полу прозвучал как скрежет зубов. Откинул половик.

Рванул крышку люка.

Маша сидела внизу, на мешках с картошкой, обхватив колени руками. В свете, упавшем сверху, ее лицо казалось белой маской. Она дрожала так сильно, что зубы выбивали дробь.

— Вылезай, — сказал я, протягивая ей руку.

Она не двигалась. Она смотрела на меня снизу вверх, и в её глазах стояли слезы.

— Он уехал? — прошептала она.

— Уехал. Давай руку.

Я вытащил её наверх. Она была ледяной, её пальцы вцепились в моё предплечье мертвой хваткой. Я поставил её на ноги, но она пошатнулась. Мне пришлось придержать её за талию.

Мы стояли посреди комнаты, над черным зевом открытого люка.

— Ты ему не сказал, — произнесла она. Это был не вопрос.

— Не сказал.

— Почему?

Я посмотрел на неё. На её спутанные волосы, на синяк, расцветающий на скуле, на старую рубаху, которая висела на ней мешком. Она была ходячей катастрофой. Она была причиной того, что моя спокойная жизнь закончилась навсегда.

— Потому что я идиот, — зло ответил я. — И потому что теперь, Маша, мы с тобой в одной лодке. И эта лодка дырявая насквозь.

Я отпустил её и отошел к окну, глядя на пустую дорогу.

— Они запустят дроны, — сказал я, обращаясь скорее к лесу, чем к ней. — С тепловизорами. Нам нельзя жечь печь днем. И выходить на улицу тоже нельзя.

Я обернулся к ней.

— Твой муж объявил на тебя охоту. И теперь я — твой единственный шанс не стать трофеем на его стене. Но запомни: если нас прижмут... я буду стрелять. И не факт, что только в них.

Маша сглотнула, но выдержала мой взгляд. В её глазах, где еще минуту назад плескался животный страх, вдруг проступило что-то твердое.

— Я понимаю, — тихо сказала она.

— Надеюсь, — буркнул я. — А теперь закрой люк и поставь чайник. У меня во рту пересохло от вранья.

Я сел на лавку и достал пистолет из-за пояса, положив его на стол. Тяжелый металл стукнул о дерево. Маша посмотрела на оружие, потом на меня. Она ничего не сказала. Просто пошла выполнять приказ.

Кольцо сжалось. Теперь мы были повязаны не только прошлым, но и преступлением настоящего. Укрывательство. Лжесвидетельство. И, возможно, подготовка к убийству.

Добро пожаловать в реальный мир, Маша. Здесь за ошибки платят кровью. И мой счет только что выставили.

Глава 10

Запах подполья — затхлый, тяжелый, отдающий сырой землей и проросшим картофелем — казалось, впитался не только в мою одежду, но и в саму кожу. Даже когда Захар вытащил меня на свет, а Михалыч уехал, оставив после себя лишь вонючее облако махорочного дыма, я продолжала чувствовать себя погребенной заживо. Внутри меня всё еще дрожало, сжималось в крошечный ледяной комок.

Я сидела на топчане, обхватив плечи руками, и смотрела на люк, который Захар уже успел замаскировать половиком. Черная дыра исчезла, но я знала: она там. Готовая поглотить меня снова, если к дому подойдет кто-то чужой.

Захар не смотрел на меня. Он молча взял пистолет со стола, проверил что-то в механизме — этот щелчок прозвучал в тишине хижины как удар хлыста — и убрал его за пояс. Его движения стали еще более резкими, скупыми. Он был похож на зверя, который почуял след охотника и теперь готовится либо бежать, либо перегрызть горло первым.

— Сиди внутри, — бросил он, натягивая куртку. — Если увижу твою макушку в окне — лично заколочу его досками. Поняла?

Я кивнула. Голос все еще слушался плохо, а спорить с ним сейчас было всё равно что пытаться остановить лавину голыми руками.

Дверь хлопнула, засов лязгнул. Я осталась одна в четырех стенах, которые внезапно стали слишком тесными. Воздух в хижине казался застоявшимся, пропитанным страхом и запахом перегара Михалыча. Мне нужно было дышать. По-настоящему, полной грудью, а не этими жалкими обрывками кислорода.

Я встала. Колени еще подрагивали, но слабость теперь была другой — не лихорадочной, а злой, упрямой. Я подошла к двери. Пальцы коснулись грубого дерева. Захар запер меня. Он защищал меня или прятал, как улику, которую жалко выбросить?

Я осторожно толкнула дверь. К моему удивлению, засов был задвинут не до конца — видимо, Захар в спешке или в порыве своей ярости лишь имитировал звук, либо дерево рассохлось. Дверь поддалась, открывая узкую вертикальную полосу ослепительного, колючего света.

Я сделала шаг на крыльцо и зажмурилась.

Воздух ударил в лицо ледяной чистотой. Это был запах хвои, замерзшей воды и прелой листвы. После вони подполья этот коктейль показался мне божественным нектаром. Я стояла, прислонившись к косяку, и жадно, до боли в ребрах, втягивала в себя этот холод.

Лес вокруг жил своей жизнью. Осеннее золото лиственниц горело на фоне темно-зеленых сосен, а небо было таким пронзительно-синим и высоким, что от этого величия кружилась голова. Это был мир, созданный по идеальным чертежам. Ни одной лишней линии, ни одного случайного звука. Каждый опавший лист лежал именно там, где должен был.

Я посмотрела на свои руки. Тонкие, бледные, исчерченные синими венами и темными пятнами гематом. Мои ногти были ободраны, кожа на запястьях содрана веревками. Я чувствовала себя грязным пятном на этом безупречном фоне. Уродливым изъязном, сломанной шестеренкой, которую природа должна была перетереть в пыль, но почему-то замедлила бег.

Захар был на заднем дворе. Я видела его профиль сквозь поредевшие кусты малины. Он продолжал колоть дрова.

Я засмотрелась. В его работе не было суеты, только чистая, концентрированная мощь. Удар — и массивный чурбак разлетается с сухим, победным треском. Еще удар — и щепки разлетаются в стороны, сверкая на солнце. Его спина под мокрой от пота майкой ходила ходунком, мышцы перекачивались под кожей, как тугие жгуты. В этом не было ничего от глянцевого красота городских спортзалов. Это была красота функции. Красота существа, которое идеально приспособлено к своей среде обитания.

Захар на мгновение остановился. Он оперся на топорище, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони, и тяжело выдохнул. Его грудная клетка мощно расширилась.

И в этот момент меня прошило током.

Случайный жест. Простое движение руки. Но оно стало триггером, сорвавшим один из замков в моей голове.

...Я вижу руки. Другие руки. Идеально чистые, с безупречно подстриженными ногтями. На запястье — золотые часы, тяжелые, кричащие о своей стоимости. Эти руки не пахнут лесом или трудом. Они пахнут стерильностью и дорогим табаком.

Мужчина — Игорь — тянется ко мне. Мы сидим в каком-то ресторане, где свет приглушен настолько, что кажется, будто мы под водой. Он касается моей ладони двумя пальцами. Только двумя. словно боится, что моя кожа может оставить на его безупречном манжете невидимое пятно.

— Ты сегодня выглядишь усталой, Маша, — говорит он, и его голос звучит как шелест страниц бухгалтерской книги. — Этот оттенок помады тебе не идет. Он делает твои губы... слишком настоящими. Исправь это.

В его глазах — не любовь. В них брезгливость, скрытая под тонким слоем вежливости. Он смотрит на меня так, как коллекционер смотрит на редкую фарфоровую вазу, на которой обнаружили едва заметную микротрещину. Я для него — актив, который начал терять в цене. И это прикосновение... оно холодное. От него хочется вымыть руки с мылом.

Я вздрогнула и открыла глаза. Реальность вернулась с резким криком сойки где-то в чаще.

Я стояла на крыльце хижины, вцепившись пальцами в обветренное дерево косяка. Сердце колотилось в горле.

Там, в той «прошлой» жизни, у меня было всё. Шелк, золото, панорамные окна и человек, который называл меня своей женой. Но в той стерильной чистоте я была мертвой. Я была вещью, которую оценивали по качеству глазури.

А здесь...

Я посмотрела на Захара. Он снова поднял топор. Его руки были грязными, его майка — рваной, он был угрюм и опасен. Но он не смотрел на меня с брезгливостью. Он вытащил меня из оврага, он промывал мои раны, он делил со мной свою скудную еду. В этой лесной грязи, среди запаха дегтя и пота, было больше правды и жизни, чем во всех хрустальных залах Одинцова.

Я поняла это с пугающей ясностью: здесь, будучи никем, избитой и немой, я впервые за долгие годы чувствовала себя в безопасности. Потому что здесь меня не оценивали. Меня просто хранили.

Движимая странным порывом, я спустилась с крыльца. Ноги коснулись мягкой, влажной почвы. Холод земли пробирал до костей, но это было приятно. Это было доказательством того, что я существую.

Я сделала несколько шагов к опушке. Лес манил своей тишиной. Мне хотелось коснуться коры той старой сосны, которая стояла на краю поляны, словно часовой. Она видела всё: и как меня принесли сюда, и как рыскали машины ночью. Она молчала, и это молчание было самым честным ответом на все мои вопросы.

Я подошла к самому краю, где трава сменялась голой, размытой недавними дождями почвой. Здесь пролегла старая колея, по которой, видимо, иногда проезжал Захар.

Я опустила взгляд под ноги и замерла. Воздух застрял в легких.

В мягкой, податливой грязи отпечатался след. Глубокий, четкий, вызывающе новый. Это не была узкая и кривая колея старого «УАЗа» Михалыча. И это не были следы широких, но привычных шин грузовика Захара.

Это был рисунок современной, агрессивной импортной резины. Широкий протектор с характерными «шашечками», предназначенный для мощных внедорожников. След был свежим — края борозд еще не успели осыпаться, внутри не набралась вода, хотя влажность в лесу была высокой.

Мой взгляд проследил за линией протектора. Машина развернулась прямо здесь, в десяти метрах от крыльца хижины. Она стояла тут. Возможно, совсем недавно. Возможно, именно тогда, когда Захар заталкивал меня в подпол, а я зажимала рот ладонями, чтобы не закричать от страха.

Они были здесь.

Те самые «серьезные люди с оловянными глазами». Они не просто рыскали по лесу. Они нашли это место. Они стояли на этой поляне, смотрели на дым из трубы, слушали тишину.

Холодный пот мгновенно прошиб спину. Идиллия осеннего леса рассыпалась, как картонный домик. Каждая сосна теперь казалась не защитником, а молчаливым свидетелем, который продаст нас при первой возможности.

Я подняла голову и встретила взглядом с Захаром.

Он стоял у своей колоды, опустив топор. Он не злился на то, что я вышла. Он смотрел не на меня. Его единственный глаз был прикован к этой самой борозде в грязи.

Он знал. Он видел этот след раньше меня. Или почувствовал его, как чувствует хищник чужой запах на своей территории.

Захар медленно пошел ко мне. Его шаги были тяжелыми, уверенными. Когда он остановился рядом, я почувствовала, как от него исходит жар — физический жар работающего тела и холодная, расчетливая ярость.

Он не сказал: «Я же предупреждал». Он просто встал рядом, глядя на отпечаток шины, который выглядел как шрам на лице леса.

— Импортная, — негромко произнес он. Голос его был сухим и безжизненным. — «BFGoodrich». Тридцать пятый радиус. Такие на обычные машины не ставят. Только на те, что готовят для охоты. На крупного зверя.

Я посмотрела на него, и мой шепот, едва вернувшийся, сорвался на хрип:

— Они... они знают?

Захар перевел взгляд на меня. В его глазу не было страха. Там была только готовность. Та самая, с которой он проверял пистолет сегодня утром.

— Они знают, что здесь кто-то живет, Маша. И они знают, что я им соврал. Михалыч — старый дурак, он мог проболтаться в поселке, даже не желая того. Или они просто умнее, чем я думал.

Он наклонился, поднял с земли сломанную ветку и резким движением перечеркнул след протектора, размазывая рисунок. Но это было бессмысленно — правда уже была высечена в этой грязи.

— Заходи в дом, — приказал он. На этот раз в его голосе не было грубости, только железная необходимость. — Быстро. Лес перестал быть безопасным.

Я послушалась. Оборачиваясь у двери, я увидела, как Захар стоит на краю поляны, глядя в чащу леса. Он выглядел как часть этого пейзажа — древний, суровый, готовый защищать свой рубеж до последнего вздоха.

Я вошла внутрь и прислонилась к закрытой двери. Сердце колотилось о ребра.

Вторая жизнь оказалась не тихой гаванью, а полем боя. И враг был уже не в моих снах. Он оставил свой след на пороге моего убежища.

Запах сосновой смолы больше не приносил покоя. Теперь он пах порохом, который еще не выстрелил, но уже был засыпан в ствол.

Я посмотрела на свои руки. Они всё еще дрожали. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха и амнезии, шевельнулось нечто новое. Холодная, острая решимость. Если Игорь Одинцов считает, что может «утилизировать» меня так просто, он ошибается.

Я не ваза. Я — здание. И мой фундамент оказался гораздо крепче, чем он мог себе представить.

Глава 11(Захар)

(от лица Захара)

Засов лязгнул, отсекая нас от внешнего мира, но не от страха. В хижине пахло остывшей кашей, застарелой гарью и чем-то еще — тем самым металлическим привкусом тревоги, который всегда предваряет катастрофу. Я чувствовал его на языке, как вкус батареек.

Маша стояла у двери, прижавшись лопатками к бревнам. Её дыхание было рваным, как старая мешковина. В глазах — тех самых, что полчаса назад пытались найти покой в сосновых кронах — теперь застыла голая, не разбавленная рассудком паника. Она видела этот след. Те самые «шашечки» тридцать пятого радиуса, которые перечеркнули её иллюзию безопасности.

Я молча прошел к окну и задернул плотную штору из мешковины. Теперь мы были в полумраке, освещаемом только тусклым светом, пробивающимся сквозь щели.

— Садись, — бросил я, не оборачиваясь.

Я слышал, как она побрела к топчану. Её шаги были шаткими. Я и сам чувствовал себя так, словно под полом хижины внезапно разверзся карстовый провал. Охотники рядом. Они не просто рыщут, они отметили мой дом на своих картах. И мне нужно было понять, что именно они ищут. Изломанную женщину или что-то, что она принесла с собой в этот лес?

В любом здании есть точка резонанса. Та самая частота, при которой конструкция начинает разрушать сама себя. У людей она тоже есть.

Я подошел к своей «святая святых» — длинной полке над верстаком, где среди банок с олифой и ржавых гвоздей лежала старая, обтянутая коленкором папка. Я не открывал её пять лет. Она была моим личным саркофагом, в котором гнило всё, чем я когда-то гордился.

Достал папку. Кожа обложки была холодной и шершавой. Я чувствовал, как под пальцами хрустит пыль времени.

Маша следила за мной. Она сидела, обхватив колени руками, и выглядела такой маленькой в моей огромной рубашке, что на мгновение мне захотелось просто подойти и накрыть её одеялом. Забыть про след на опушке. Забыть про Одинцова.

Но я архитектор. Я знаю: если в фундаменте трещина, косметический ремонт не спасет. Нужно копать до самого основания. До самых костей.

Я подошел к столу и с глухим стуком положил папку перед ней. Пыль взметнулась в воздух, танцуя в слабом луче света.

— Смотри на это, Маша, — сказал я, и мой голос прозвучал как скрежет бетономешалки.

Она медленно перевела взгляд на стол. Я раскрыл папку. На первом же листе — плотном, дорогом ватмане, который я когда-то заказывал из Германии — красовался мой логотип. Большая, стилизованная буква «Г», вписанная в острые углы чертежного циркуля. А ниже, четким типографским шрифтом: «Архитектурное бюро Громова».

Это был мой смертный приговор. Моя гордость, которую Игорь Одинцов превратил в мусор.

— Посмотри внимательно, — я наклонился к ней, чувствуя, как внутри всё натягивается, словно вантовый трос под предельной нагрузкой. — Ты видела это раньше. Ты искала это. У тебя в кармане был адрес этого самого бюро. Что ты помнишь, когда смотришь на этот знак?

Маша подалась вперед. Её пальцы, всё еще испачканные лесной землей, коснулись края листа. Она смотрела на букву «Г» так, словно это была черная метка пирата.

Тишина в хижине стала плотной. Я слышал, как в печи оседает зола. Слышал, как за окном ветер бьет веткой сосны по крыше.

И тут началось.

Сначала её зрачки расширились так, что радужка почти исчезла. Она резко втянула в себя воздух — со свистом, словно ей не хватало кислорода. Её лицо, и без того бледное, стало прозрачным, как пергамент. Под глазами мгновенно проступили синие тени.

Она не просто смотрела на логотип. Она в него проваливалась.

— Маша? — позвал я, но она не слышала.

Её рука, тянувшаяся к бумаге, начала мелко дрожать. Потом дрожь перешла на плечи. Она схватилась за край стола с такой силой, что костяшки побелели. Её начало мутить — я видел, как судорожно сжалось её горло, как она сглотнула подступающую желчь.

Это была не просто память. Это был физический, соматический взрыв. Её мозг мог забыть даты и лица, но её тело помнило всё. Ужас, связанный с этим знаком, был вшит в её нервные окончания.

— Больно... — прохрипела она. Это было даже не слово, а стон раненого зверя. — Убери... пожалуйста... Захар... убери...

Она зажмурилась и отшатнулась, едва не свалившись с лавки. Её дыхание превратилось в серию коротких, панических всхлипов. Холодный пот градом катился по её вискам.

Я захлопнул папку. Резко, с хлопком. Словно закрыл крышку гроба.

В хижине снова стало тихо, но это была другая тишина. Очищенная. Я смотрел на неё — согнувшуюся пополам, хватающую ртом воздух — и чувствовал, как внутри меня что-то окончательно рушится. Моя стена ненависти. Мой железобетонный сарказм. Моё убеждение, что она — соучастница.

Нет. Так не играют. Такой ужас нельзя симулировать, даже если ты лучшая актриса в мире.

Она была такой же жертвой. Одинцов не просто отобрал моё бюро. Он использовал мое имя, мой труд, мою репутацию, чтобы медленно, день за днем, убивать женщину, которая была рядом с ним. Он превратил моё детище в инструмент пытки.

Я почувствовал, как к горлу подкатывает ярость, но на этот раз она не была направлена на Машу. Это была чистая, архитектурно выверенная ненависть к Игорю. Он не просто разрушил мою жизнь. Он осквернил то единственное, что я считал святым — моё созидание.

Я подошел к ней. Осторожно, стараясь не напугать, положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, но не отстранилась. Под моей ладонью её тело колотилось в ознобе, как тонкое дерево под ураганным ветром.

— Тише, — сказал я, и мой голос удивил меня самого своей мягкостью. — Всё. Его здесь нет. Это просто бумага. Просто старая бумага.

Я усадил её поудобнее, прислонив спиной к стене. Она открыла глаза. Они были полны слез и бесконечной, выжженной пустоты.

— Я не знаю, что это... — прошептала она, и её голос сорвался. — Но мне кажется... что под этим знаком... меня убивали. Медленно. Каждый день.

Я промолчал. Что я мог сказать? Что я сам чувствовал то же самое? Что этот знак — всё, что осталось от моей мечты?

Вечер опустился на лес внезапно и враждебно. Мы не стали разводить огонь. Дроны Михалыча или тех, других, могли засечь тепловой след. В хижине быстро стало холодно. Темнота напознала из углов, глотая остатки серого света.

Я сидел на полу у двери, положив ружье на колени. Маша лежала на топчане, укрытая всеми одеялами, что у меня были. Но холод всё равно просачивался сквозь щели, вгрызаясь в кости.

— Захар? — раздался её голос из темноты. Тихий, неокрепший.

— Здесь я. Спи.

— Ты ведь тоже... там был? В той жизни. Ты ведь тоже архитектор.

Я усмехнулся в темноту.

— Был. Когда-то. Когда верил, что здания строят для людей, а не для денег.

— Значит... мы оба из руин, — она помолчала. — Захар, почему ты не выгнал меня? Когда узнал фамилию. Тебе было бы проще.

Я посмотрел на полоску света под дверью. Лес за стеной дышал холодом и равнодушием.

— Наверное, потому, что я плохой аскет, Маша. Или потому, что из руин иногда получаются самые крепкие фундаменты. Если их правильно заложить.

Я поднялся, чувствуя, как затекли ноги. В хижине было уже совсем морозно. Я подошел к её топчану. В темноте я видел только очертания её лица. Она дрожала.

— Тебе нельзя мерзнуть, — буркнул я. — Пневмонии нам только не хватало.

Я сел на край постели. Не раздумывая, просто повинувшись какому-то древнему, заложенному в подкорку инстинкту защиты, я накрыл её руку своей. Моя ладонь, грубая, пахнувшая сосновой смолой и оружейной смазкой, полностью скрыла её пальцы.

Она не отдернула руку. Напротив — она судорожно вцепилась в моё запястье, как в спасательный леер посреди шторма. Её кожа была ледяной.

— Это твой второй шанс, Захар? — спросила она. — Этот лес?

— Этот лес — моя могила, в которой я заживо похоронился, — честно ответил я. — А вот ты... ты, кажется, мой шанс вспомнить, что я еще живой человек, а не просто функция по охране периметра.

Она чуть сжала мои пальцы. Это было мимолетное, почти невесомое движение, но по моему телу прошла такая волна, какой я не чувствовал годы. Электричество резонанса.

— Мы еще поборемся, Маша, — сказал я, глядя в темноту, где затаились наши враги. — Судьба — паршивый проектировщик, она часто ошибается в нагрузках. Но мы с тобой... мы из того бетона, который с годами становится только тверже.

Она ничего не ответила, только прерывисто вздохнула. Вскоре её дыхание стало ровным. Она уснула, всё еще крепко держа меня за руку.

А я сидел в холодной, пахнувшей смолой тишине и чувствовал, как внутри меня, под слоями пепла и ненависти, прорастает что-то новое. Какая-то злая, упрямая нежность.

Я не знал, сколько нам осталось. Джипы Одинцова могли появиться на пороге в любую минуту. Но теперь я знал одно: я не отдам им эту женщину. Не потому, что она — улика. А потому, что она — единственное в этом мире, что заставило меня снова почувствовать вес карандаша в руке. Метафорически.

Я погладил её пальцы.

— Спи, — прошептал я. — Пока я здесь, твой «стеклянный дом» тебя не достанет.

В ту ночь я впервые за пять лет не чувствовал себя одиноким. И этот страх за другого человека был самым прекрасным и самым страшным чувством из всех, что я когда-либо проектировал.

За окном начал падать первый снег — тихий, скрывающий следы шин на опушке. Природа давала нам небольшую отсрочку. И я собирался использовать её на полную катушку.

Глава 12

Воздух в хижине стал плотным и тягучим, как сосновый деготь в холодный день. Я чувствовала это кожей — странное покалывание, мелкий зуд, будто тысячи невидимых насекомых бегали по моим рукам. За окном царил мертвая тишина, такая глубокая и неестественная, что в ушах начинало звенеть. Снег, который начал падать еще вечером, теперь валил сплошной белой стеной, стирая границы между небом и лесом.

Захар сидел за столом, подперев голову кулаками. В тусклом свете догорающей свечи его профиль казался высеченным из потемневшего от времени дуба. Мы молчали после того разговора о его бюро. Слишком много правды было вывалено на этот стол, слишком много старой боли заполнило крохотное пространство нашего убежища.

Вдруг небо за мутной пленкой окна вспыхнуло. Это не был обычный свет. Мертвенно-синее, фосфоресцирующее сияние на мгновение превратило мир в негатив. Снежинки в этом свете казались искрами ледяного пожара.

А потом пришел звук.

Это не был гром. Это был взрыв. Тяжелый, оглушительный удар, от которого вздрогнули бревна хижины, а с полок посыпалась какая-то мелочь. Снежная гроза. Редкая, пугающая аномалия, когда небо решает выплеснуть гнев посреди метели.

В ту же секунду мир внутри моей головы треснул пополам.

Звук грома превратился в звук удара. Хлесткий, костоломный. Реальность хижины осыпалась, как старая штукатурка.

...Холод. Но не лесной, хвойный, а мертвый, городской. Бетон. Я чувствую его коленями — шершавый, мокрый, пропитанный пылью заброшенной стройки. Дождь хлещет по лицу, смешиваясь со слезами и чем-то соленым, густым, что течет из разбитой брови.

— Пожалуйста... — мой шепот тонет в шуме ливня. — Игорь, зачем?

Я вижу его ботинки. Дорогая кожа, идеально чистая, несмотря на грязь вокруг. Он стоит чуть в стороне, прикуривая сигарету. Пламя зажигалки на мгновение освещает его лицо — спокойное, почти скупающее. Он не смотрит на меня. Он смотрит на свои часы.

— Ты всегда была слишком любопытной, Маша, — его голос звучит ровно, как у лектора на скучной паре. — Слишком много вопросов. Слишком много документов в моем сейфе, которые тебе не предназначались. Ты должна была оставаться красивым фасадом. Но ты полезла в фундамент. А в фундаменте у нас, как ты сама заметила, трещины.

Снова удар. На этот раз в бок. Тот самый хруст ребра, который я потом буду слышать в кошмарах. Чьи-то руки в кожаных перчатках подхватывают меня под мышки. Пахнет бензином и дорогим мужским одеколоном. Запах цитруса и стали.

— Кончай с ней, — бросает Игорь, выдыхая дым. — Лес всё спрячет. Здесь территория спорная, никто искать не будет.

Меня тащат к краю. Я чувствую пустоту за спиной. Овраг. Глубокий зев земли, забитый старыми ветками и камнями. Полет кажется вечностью...

Новая вспышка молнии вырвала меня из воспоминаний. Гром ударил снова, прямо над крышей, и этот звук окончательно добил меня.

Я не понимала, где я. Мне казалось, что стены хижины — это руки тех людей в перчатках, что они сжимаются, пытаются выдавить из меня остатки жизни. Немота, которая начала отступать в последние дни, вернулась ледяным спазмом. Горло перехватило, я не могла вдохнуть.

Спотыкаясь, я сползла с топчана. Пол казался бездной. Я забилась в самый дальний угол, между тяжелым деревянным ларем и стеной. Сжалась в комок, обхватив голову руками. Ногти впивались в кожу головы, я пыталась зарыться в бревно, исчезнуть, раствориться.

— Уйдите... — из горла вылетал только надсадный, сухой сип. — Пожалуйста, уйдите...

Я не видела, как Захар вскочил со скамьи. Не слышала, как он звал меня. Для меня он был просто еще одной огромной тенью из того кошмара на стройке. Когда его рука коснулась моего плеча, я закричала. Это был страшный, беззвучный крик, от которого в легких лопались сосуды.

Я начала биться, отталкивая его, царапая его руки. Вспышки снежной молнии за окном превращали его лицо в маску чудовища.

— Не трогай! — хрипела я, захлебываясь паникой. — Игорь, не надо!

— Маша! Посмотри на меня! — его голос прорвался сквозь шум в ушах, как удар колокола. — Маша, это я! Дыши, черт тебя дерит! Дыши!

Он не стал бороться со мной. Он просто смял моё сопротивление своей массой. Его руки, огромные и надежные, обхватили меня, прижимая к его груди. Он пах не цитрусом и бензином. Он пах сосновой смолой, горьким табаком и живым, человеческим теплом.

Я замерла, уткнувшись носом в его шею. Под моей щекой билась крупная жила. Ритм был быстрым, но ровным. Это был ритм жизни.

Захар поднял меня на руки. Я была для него легкой, как охапка хвороста. Он не понес меня обратно на мой топчан — тот стоял слишком близко к окну, где бесчинствовала гроза. Он шагнул к своей кровати у печи.

Там было жарко. Печь отдавала последнее тепло, и воздух пах сухим кирпичом и хлебом. Захар сел, не выпуская меня из рук, и привалился спиной к стене. Он накрыл нас обоих своим тяжелым одеялом из овчины.

Я продолжала дрожать. Мелкая, противная дрожь сотрясала всё тело. Мои пальцы судорожно вцепились в его рубашу на груди, я прятала лицо в складках ткани, боясь новой вспышки.

— Всё, — шептал он, и его голос вибрировал в его грудной клетке, успокаивая меня лучше любых лекарств. — Это просто гром. Это просто небо лопается от холода. Ты в безопасности. Я здесь.

Он начал медленно раскачиваться, баюкая меня, как ребенка. Его рука, широкая, с загрубевшей кожей, мерно гладила меня по волосам. Раз. Два. Раз. Два.

Постепенно паника начала отступать. Гроза за окном всё еще бесновалась, но теперь она казалась чем-то далеким, не имеющим к нам отношения. Мы были в капсуле. В крошечном пузыре тепла посреди ледяного океана.

Я слышала его сердце. Глухие, мощные удары. Они вытесняли из моей головы звук того хрустального стакана Игоря, звук ударов и криков. Захар был моим заземлением. Моим громоотводом.

Я впервые почувствовала, насколько он огромен. Его тело было для меня целым миром. Горячим, надежным миром, где нет места предательству. В этом не было секса, не было той грязи, о которой я иногда читала в книгах. Это было чистое, концентрированное выживание вдвоем.

Я была избитой, сломанной женщиной, а он — израненным, ожесточенным мужчиной. Мы были как два кирпича из рухнувшего здания, которые кто-то сложил вместе, чтобы построить хоть какой-то очаг.

— Я вспомнила, Захар, — прошептала я ему в шею. Голос был слабым, но ясным. Отек в горле словно прорвало от этого эмоционального взрыва.

Он замер. Его рука на моей голове остановилась.

— Что именно ты вспомнила, Маша?

Я зажмурилась, вдыхая запах его кожи. Сосновая смола. Теперь это был запах моей правды.

— Почему Игорь это сделал. Почему он отдал приказ. Это была не просто измена... я нашла бумаги. В ту ночь, когда я должна была уехать к матери, я вернулась за забытым телефоном. Сейф в его кабинете был открыт. Он торопился.

Я сглотнула, чувствуя, как слезы обжигают щеки.

— Там были документы о твоём бюро, Захар. О «Северной Короне». Сметы, акты... Он использовал твоё имя, чтобы списать миллионы на фиктивные закупки. Он знал, что здание рухнет, и он заранее подготовил всё так, чтобы виноватым остался только ты. А когда я увидела эти бумаги... он понял. Он увидел меня в дверях.

Захар молчал. Я чувствовала, как под моей щекой каменеют его мышцы. Его дыхание стало тяжёлым, редким.

— Они не ищут меня, чтобы вернуть домой, — я вцепилась в него ещё сильнее, словно он мог раствориться. — Они придут, чтобы убить меня. Я — единственная, кто видел оригиналы тех актов. Я — его смертный приговор. И он сделает всё, чтобы этот приговор никогда не был зачитан.

За окном гроза сделала последний, прощальный выстрел. Гром укатился куда-то за горизонт, оставляя после себя только шелест снега, бьющегося в пленку окна.

Захар обнял меня так крепко, что у меня перехватило дыхание. Это было обещание. Беззвучное, суровое мужское обещание, которое не нуждалось в словах.

— Пусть приходят, — негромко произнес он. В его голосе не было ярости, только ледяная решимость человека, которому больше нечего терять. — Теперь это и моя война тоже.

Я почувствовала, как по моему телу разливается странное, изнурительное спокойствие. Я сделала это. Я вытолкнула правду наружу.

Мы лежали в темноте, согревая друг друга. Холод овчины, жар печи, ритм его сердца. Я не знала, наступит ли для нас завтра. Не знала, сколько джипов сейчас пробирается сквозь метель к нашей хижине.

Но сейчас, засыпая на его плече, я впервые за всю свою жизнь знала, что я на своём месте.

— Захар... — прошептала я, уже проваливаясь в сон. — Они убьют нас обоих.

— Нет, Маша, — ответил он, и я почувствовала, как его губы коснулись моей макушки. — В моем лесу убиваю я. Спи.

Я закрыла глаза. Запах сосновой смолы обволакивал меня, обещая не просто спасение, а вторую жизнь. Жизнь, за которую стоило сражаться.

Мы заснули, сплетясь руками, два обломка, которые решили стать целым. Первый блок моей боли закончился здесь, на его постели, под аккомпанемент утихающей снежной грозы.

Начиналась зима. И начиналась охота, в которой мы больше не собирались быть дичью.

Глава 13

Утро после снежной грозы было до странного тихим. Снег, наваливший за ночь, придушил все лесные звуки, обложив хижину белой ватой. Когда я открыла глаза, первым, что я почувствовала, было не привычное ожидание боли, а тепло. Настоящее, живое тепло.

Я лежала на кровати Захара, укрытая тяжелой овчиной. Он был рядом. Он не спал — я видела его широкую спину, обтянутую серой тканью майки. Захар сидел на краю матраса, опустив голову, и его дыхание было мерным, глубоким. Мы пролежали так всю ночь. Два избитых жизнью существа, которые нашли друг в друге единственный способ не сойти с ума от грохота небес и призраков прошлого.

Я пошевелилась, и он тут же обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.